ВИКТОРИЯ САМИРА
Сила убеждения
ЭПИЗОД 2
AVENA

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сила убеждения у каждого своя. Один мастерски владеет добрым словом, а другой — пистолетом.

Триединую империю основательно трясет: от коррупции, бюрократии и разгула обнаглевшего криминалитета. Но разве это повод отменять всеобщий праздник в долине друидов? Конечно, нет! Только столица на время массовых гуляний останется обнаженной и беззащитной…

- AYENA
  -
  - AYENA

AYENA
Эпизод 2. Сила убеждения

Виктория Самира

Сюжетотехника Денис Журавлев
Драматургия Надежда Лукашевич
Дизайнер обложки Татьяна Датченко

© Виктория Самира, 2019
© Татьяна Датченко, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-4082-4 (т. 2)
ISBN 978-5-0050-3869-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

AYENA
ЭПИЗОД 2. СИЛА УБЕЖДЕНИЯ
Пролог

Престижный район столицы вечерами пустел. Здесь было не принято гулять до утра и беспокоить респектабельных жителей криками с улицы. Композитные высотки рано темнели окнами и затихали до следующего дня, чтобы утром снова загудеть на десятки тысяч голосов, изрыгнуть из подземных парковок дорогие автомобили и развезти хозяев по дорогим офисам.

Сегодня в одном из окон на верхотуре стеклянной башни горел яркий свет. Представительный мужчина, сидевший в современном домашнем кабинете, предпочитал хорошую иллюминацию. Он все никак не мог выбрать время, чтобы съездить в северные провинции и подлечить зрение. Вечно не до того…

Чтобы поработать с документацией, он нацепил старомодные очки. И на минуту задумался, что ни один нормальный человек так долго не собирался бы. Избавиться от возрастной близорукости можно за неделю и лет до семидесяти не мучиться. Только свободной недели все никак не находилось.

Сейчас ему снова пришлось задержаться: вместо того, чтобы отправиться спать, он продолжал сидеть в кабинете — ждал гостя. С утра раздался звонок, и голос на том конце невидимого провода аккуратно сообщил, что есть конфиденциальный разговор.

Впрочем, ожидание не затянулось. В одиннадцать, как и было обещано, звонивший явился.

— Я узнал интересную новость, — сообщил пришедший. — В Старый порт приходит груз муки.

— Что ты предлагаешь?

— Конфисковать груз. Не будут же они жаловаться на нас в охранку.

— Не будут, — кивнул хозяин кабинета. — Только я еще кое-что слышал. Грузы, приходящие в Старый порт, с недавних пор охраняют лангардские наемники. У них есть преимущество.

— У тебя оно тоже есть, — прошелестел гость. — Тебе ведь никто не мешает нанять людей без меток.

— Я подумаю об этом.

— Только не думай слишком долго. Времени мало.

— Не буду. Объем груза?

— Два контейнера. И мука высшего сорта.

— Действительно, есть над чем поразмыслить, — очки в тонкой оправе легли на стол. — Я дам людей. Организуй операцию.

Триединая Империя, Джалан
Район Аккелена, офисный центр

Секретарша подняла глаза, услышав звук открывшейся двери. В приемную вошел посетитель. Судя по форме, средний чиновник. Серебряная бляха на лацкане сообщала — это не последняя сошка в департаменте ресурсов.

— Добрый день, — вежливо поприветствовала девушка.

— Я Кастор Тичо, — не стал здороваться вошедший. — Мне назначено.

— Присаживайтесь, господин Тичо. Леди Райвен еще отсутствует. Но она скоро будет.

Визитер нервно поморщился, покосился на закрытый кабинет, но все-таки уселся.

Корнелия Райвен опаздывала уже на двадцать минут. При том, что встреча была оговорена заранее, а время назначала сама старая сука!

Кастор косился на часы. Почти полчаса. Если она сейчас же не явится…

Додумывать, что случится, не пришлось: леди явилась. Бросила быстрый оценивающий взгляд на ожидавшего ее человека и, так же, не здороваясь, зашла в кабинет. Дверь предусмотрительно оставила открытой, чем наглядно сообщила, что можно войти. Дожидаться особого приглашения не было смысла.

Корнелия с хорошо скрытым удовольствием отметила: ее служба безопасности отлично справилась с задачей — найти в департаменте ресурсов подходящего человека, с которым можно договориться, готового на все ради денег. И должным образом спровоцировать паскуду на сделку.

И вот он нашелся, господин Тичо. Прочно сидевший на порошке. Дорогое удовольствие даже для среднего чина. Но, когда того требует мода, точнее, когда ты стремишься во всем подражать высшим, в том числе, в швырянии деньгами и в удовольствиях, доступных золотому сословию, разве важно, каким способом деньги добываются?

В итоге Кастор поиздержался. Собирался соскочить, но не учел одного момента: черный лотос просто так не отпускает. Поэтому чиновник принялся зарабатывать любыми доступными способами.

А что такое ценное доступно сотрудникам департамента ресурсов? Информация. Воспользоваться ею лично у него не получится при всем желании — не хватит возможностей. Но продать ее тем, кто готов оплатить, — запросто.

Единственным требованием продажного чинуши была личная встреча с самой леди. Разговаривать он согласился только с ней. И это, в принципе, не было проблемой, Корнелия и сама бы не доверила подобные переговоры другим.

Она была экономистом и очень любила экономить там, где это было уместно. Поэтому сейчас никуда не спешила, даже наоборот, специально тянула время, потому что знала цену каждой минуте.

Посетитель заметно нервничал, но старательно делал вид, что ничего не происходит. Леди Райвен не спешила открывать карты — незачем. Она извинилась, взяла в руки телефон и отошла к окну.

Кастор, воспользовавшись тем, что старая тварь отвернулась, неистово зачесал руки. Кожа саднила до боли.

Он не знал, что стоящий на стеллаже громоздкий серебряный кубок — не просто красивая регалия. Несколько лет назад эксперт по безопасности посоветовал установить громадину в качестве прекрасного наблюдательного пункта. И на переговорах он неоднократно играл свою молчаливую роль. Например, сейчас леди с интересом присматривала за гостем. А тот наивно полагал, что никто не видит его терзаний.

«Да-да, симптомчики налицо. Уже чешешься, драгоценный. Ну что ж, мы с тобой не далеко от переломного момента».

— Прошу прощения, — самым любезным образом извинилась Корнелия. — Будете чай, кофе?

— Чай, — буркнул Кастор и машинально схватился за портфель. Ему не терпелось перейти к делу и сбежать, как только все будет закончено.

— С лимоном? С молоком? Сахар?

— Просто чай.

— Кстати, у меня превосходная коллекция, — щебетала хозяйка, искренне улыбаясь. Ей нравилось дразнить этого слизня и смотреть, как с каждой минутой, даже секундой, ему становится все хуже. — Очень рекомендую попробовать изумрудный олун. В этом году был прекрасный урожай!

— Хорошо, — проскрипел Кастор. Он понимал, что во время переговоров нельзя показывать слабости, но сдерживаться было все труднее. Впрочем, судя по благодушной улыбке леди, пока у него еще получалось. — Я вообще-то пришел сюда не на чаепитие.

Его бесило, что эта старая сука пытается устраивать здесь свои высшие церемонии. У них, золоченых, видите ли, не принято сразу переходить к делам. Нужно полчаса болтать о погоде и каком-то дурацком чае!

— А я, пожалуй, не откажусь, — женщина отдала распоряжение секретарю.

— Я привез документы, — Кастор решил, что церемоний на сегодня хватит. Тонкая папка легла на стол.

Он ждал, что леди вцепится в бумаги, как клещ. Она ведь знала, кто он и с какой целью приехал. Он обо всем договорился. Так какого хрена она передвинула папку подальше, даже не заглянув внутрь? Ей совсем не интересно? И сидит, прихлебывает свой… олун зеленый!

— Чего вы от меня ждете? — ровным тоном поинтересовалась леди. Бумаги продолжали лежать на столе. Но так, что дотянуться до них и нервно бросить в портфель уже не получалось.

— Вы же понимаете, о чем эта информация? — Кастор только сейчас понял, насколько сглупил.

— Да. И что?

— Вам это нужно, — с нажимом произнес чиновник. — Это то, что вы просили. И это, как вы понимаете, внутренняя информация департамента ресурсов.

— Да, это мне известно. Но я задала вам другой вопрос: чего вы хотите от меня? — леди словно притворилась идиоткой, не понимающей, с кем и о чем сейчас говорит.

— Вам и это известно. Десять миллионов.

— Им самая большая цена — пять. И то, если бы вы принесли их два месяца назад.

— Мы же договаривались!

— Мы ни о чем не договаривались. Я вас первый раз вижу, — все так же любезно сообщила леди. — Ваше предложение мне донесли. На встречу я согласилась. А вы тут у меня швыряетесь бумагами так, как будто они не стоят ломаного медяка. И тут же просите за них десять миллионов. Мне это как понимать?

— Как хотите, — пожал плечами Кастор и обругал сам себя. В том состоянии, в каком он сейчас находился, переговоры не ведут. Можно было сворачиваться и уходить ни с чем. Но этим самым ничем за новую порцию порошка не заплатишь…

— Плюс, как вы понимаете, я не могу провести эту сделку… официально. Мне нужно поговорить с бухгалтером.

Она снова переместилась к облюбованному окну. Набрала номер, угукнула в трубку.

Кастор сверлил ее тощую спину ненавидящим взглядом. Снова чесал руки и ерзал.

— В общем, — леди вернулась к разговору, но садиться не спешила, — сумма немаленькая. На обналичивание понадобится время. И боюсь, к этому моменту документы потеряют свою… актуальность. Вы слишком затянули.

— У меня не было возможности сделать это раньше! Вы прекрасно знаете, что от меня это никак не зависит! — перешел на крик господин Тичо. Он ненавидел сам себя и мечтал только о том, чтобы взять эту мразь за горло и вытрясти из нее деньги. Она же обещала, она согласилась!

— Это мои проблемы? — все так же спокойно спросила леди. — На данном этапе, если у вас есть время подождать…

— Вы сказали, что это у вас нет времени.

— Почему вы нервничаете? С вами все хорошо? — леди округлила глаза. — Вы как-то побледнели. Мне вызвать дежурного друида?

— Нет, — дернулся Кастор. — Я хочу завершить сделку, которую мы оговаривали.

— В таком случае… — Леди отточенным жестом открыла дверцу сейфа. Естественно, того, который стоял на виду, специально для посетителей. — Прямо сейчас я могу вам предложить только это. Здесь четыре ровно. Я как раз собиралась прикупить кое-что… Ох, простите!

Уже через секунду она снова держала в руках телефон и объясняла секретарю, кому нужно позвонить, отменить встречу с агентом, а шубу отнести в чистку. Как будто прямо сейчас эти вопросы стоили такого срочного внимания!

На самом деле Корнелия была не из тех, кто отвлекается от дел, едва вспомнив, что нужно заняться подготовкой гардероба к зимнему сезону. Она просто знала, как женщина может легко обесценить в глазах мужчины весь смысл крупной сделки. Показать, что якобы занята своими «бабскими делами». Прическу поправить, в зеркальце посмотреть, срочно кому-то позвонить.

Мужчин это бесило. А взбешенный мужчина плохо контролирует свои действия. В особенности, если есть и другая причина для бешенства — примитивная ломка, которую нельзя ни остановить, ни отсрочить.

И Кастор не выдержал. Он достал платок, вытер пот, спрятал кровоточащую рану на запястье и жадно смотрел на деньги. Ему была нужна доза. У него не было времени торговаться, не было сил на препирательства.

От всего его четкого плана не осталось ничего.

Кроме четырех миллионов, которые эта мерзавка спокойно выкладывает на стол, как горсть мелочи!

Он сглотнул. Посмотрел на пачки золотистых банкнот.

А затем решительно сгреб их в портфель и выбежал из кабинета.

*****

Леди Райвен проводила гостя взглядом. И только после этого взяла папку с документами. Она уже знала, что там. Ей требовались только конкретные данные, с которыми можно работать. И кое-что еще. Она снова нажала на кнопку селектора.

— Старшего безопасника ко мне. Быстро.

То, что она увидела, было серьезным поводом даже не для опасений. Для тотальной, жесткой проверки всего персонала — на предмет зависимости от черного лотоса. Эта дрянь стала в последнее время слишком уж популярным увлечением среди высших кругов. В кулуарах поговаривали, что пошла эта мода с подачи принца и его очередного любовника. Значения это не имело. Важно было другое: если сегодня к ней пришел трясущийся от ломки чиновник, готовый продавать государственные секреты за дозу, то завтра на его месте может оказаться любой из ее сотрудников. И об этом стоило знать заранее.

Второй звонок она сделала сама, не желая доверять секретарю в подобных вопросах.

— Добрый день. Я хочу записаться на прием через полчаса.

— К сожалению, не могу. Другой посетитель…

— Можете. Вы просто назовете мне сумму, за которую позвоните этому посетителю и сообщите, что прием отменен. Или перенесен на другое время. Я буду через тридцать минут.

Триединая империя, Альварские предгорья
Поселок Белый Камень

— Потому что я девочка, а не какая-то бой-баба! — вскинулась Лейла и отошла от площадки и демонстративно уселась на скамейку. — Я устала.

— Вот об этом расскажешь сбрендившему мужику, который решит тебя изнасиловать, — резко ответила Арина, отряхивая колени от пыли.

— У вас тут насилие в порядке вещей что ли? — Сафира, прихрамывая, пошла за полотенцем. Пот заливал глаза.

— Вообще-то, да. Ладно, перерыв пять минут, потом продолжим. Девки, еще раз поясняю. Я вас гоняю не потому, что злая или мне хочется кого-то по земле повалять. Мне своих в Военке — ушами ешь и задницей прихлебывай. Но здесь по-другому просто не выжить. Тем более в Предгорье.

— Почему? — Сафира принялась массировать ушибленное бедро. Было очень больно.

— Потому что, — Арина взяла со скамьи сумку. — Никто не возражает, если я перекурю? Нравы дикие. И потому что открытая энергия токсична для психики. Повышает уровень агрессии. Если не вдаваться в астрономическую теорию, то время от времени случаются вспышки, и народ массово нахлобучивает. Тогда даже самого мирного и приличного человека может резко замкнуть, и он слетит с катушек. Например, решит, что жена соседа ему как-то очень соблазнительно подмигивает. Или что сам сосед внезапно стал несимпатичен. Если не умеете защищать себя физически, вы в гробике. А патриарх Ким очень не любит зря расходовать свои ресурсы.

— Причем тут патриарх?

— В ваше обучение вложены достаточно большие деньги, чтобы потерять кого-нибудь из-за нелепой случайности. Патриарху будет обидно, если тебя, Лейла, убьет жаждущий, которого не засекли вовремя каратели. Или тебя, Сафира, разложат и порвут шахтеры.

— Элементарные знания самообороны меня спасут от условных шахтеров-разлагателей?

— По крайней мере, дадут тебе шанс вырваться и удрать, — Арина затушила окурок о землю. — Это лучше, чем ничего. А будешь заниматься усердней, научишься раскладывать самих шахтеров. В любых фантазийных позициях.

— Почему в империи никак не борются с этим вашим психотоксикозом? — Лейла выудила из пакета яблоко и принялась с аппетитом грызть.

— Кто сказал, что никак? Все должностные лица раз в месяц проходят обязательную проверку у штатного мозгоправа. Во избежание. Обычные люди — по желанию. Но чаще всего добровольно ходят. Никому не хочется внезапно обнаружить себя по уши в крови и с горкой трупов по периметру. Просто потому что пошел парад планет и тебя накрыло. Подобные эксцессы — это следствие сочетания длительной дисфории и метеочувствительности. Все это можно вовремя выявить и купировать. Главное — не прое… гм. В общем, не пропустить момент. Так, я докурила, встаем, девоньки!

Сафиру Арина просто выволокла за шкирку на плац, и, не предупреждая, резко швырнула лицом вниз. Только доведенное до автоматизма умение группироваться и лететь кувырком уберегло девушку от страстного поцелуя с утоптанной землей.

Триединая Империя, Джалан
Район Аллаяфа, центр психологического контроля

Леди Райвен относилась к числу тех, кто посещал центр в частном порядке. И делала она это далеко не с целью соблюдения психической гигиены. Но протокол соблюсти полагалось.

— Принесите мне карту пациентки, — попросил доктор своего ассистента, и тот послушно покинул кабинет. — Ваши головные боли вернулись?

— Мои головные боли — не ваша головная боль, — жестко парировала женщина. — Никого нет, можете больше не кривляться.

— Вы сегодня несколько внезапно. Мне пришлось отменить прием…

— Значит, моя головная боль вам прекрасно известна. Равно как и цена ее излечения. И вас она устраивает.

— Да, я понимаю. Простите, профессиональная привычка.

— Кстати, о привычках. Вы, наверняка, знаете, что среди определенного рода людей сейчас крайне популярен известный наркотик. Меня крайне волнует вопрос возможного пристрастия моего сына к этому веществу.

— Полагаю, вам не о чем волноваться, леди Райвен.

— Давайте я буду думать, о чем мне волноваться. Догадки меня не интересуют. Мне нужно четкое подтверждение. Учитывая круги, в которых мой сын с недавних пор находится.

— Как раз те круги, в которых находится ваш сын, скажем так, в оппозиции. И к самому веществу, и к законодателю этой моды. Что вас, на мой взгляд, должно волновать значительно больше.

— Со своим волнением относительно окружения моего сына я справлюсь без посторонней помощи. А вас я прошу удостовериться, что заданный мной вопрос не является предметом для моего беспокойства. Гаральд в последнее время явно выказывает признаки… определенных сложностей. Я почти уверена…

— Нет, — перебил доктор. — Здесь другая причина. Это алкоголь.

— Вы хотите сказать, что лорд Райвен алкоголик? Он по определению не может им быть.

— Хорошо. Назовем это излишним увлечением, — развел руками доктор. — Мы можем называть это, как угодно, сути не изменит. Лорд Райвен действительно плохо себя чувствует, но мы с этим боремся. Я рекомендовал ему арт-терапию как

способ сублимации. Надеюсь, это принесет ожидаемые результаты.

— Что, простите, вы ему рекомендовали? — брови леди Райвен поползли вверх. — Вы понимаете, какую должность он занимает? Какие вопросы решает ежедневно? Трудотерапию вы ему не предлагали? Улицы там подмести? Двадцать лет назад этот метод тоже пользовался популярностью. Какая, к демонам халахинским, арт-терапия, вы о чем? Он должен сосредоточиться на работе!

— В этом и проблема, что он не может. И, боюсь, что дальше может быть только хуже. Лорда тяготит его должность и обязанности. Он все-таки окончил Военную академию. И, насколько я знаю, планировал карьеру в армии.

— Что можно планировать в армии? Империя больше не ведет войн! Он бы десять лет просиживал штаны в пустынном гарнизоне, охраняя дюны и ящериц! Я сделала все, чтобы его распределение было связано с самыми серьезными возможностями. Экономика — это деньги. А деньги решают все. Как мне неоднократно удавалось убедиться. И у него к этому огромный талант, даже если он упорно это отрицает!

— Лорд, несомненно, талантлив. Но работа в департаменте не вызывает у него удовлетворения.

— Вот я за это вам и плачу. Сделайте так, чтобы вызывала. Вы же мозгоправ? Вот и правьте. И никаких больше рисунков! Он будущий руководитель департамента финансов. Об этом он должен думать, а не о том, чтобы рисовать натюрморты и, тем более, пить! Еще раз услышу от вас эту ересь, и лично вы тоже займетесь трудотерапией в Альварских горах. Будете рисовать горные пейзажи. Всю оставшуюся жизнь. Если мой сын не перестанет заниматься ерундой, дерзить всем подряд и ломать свою жизнь об колено… Альварские горы славятся своей живописностью. Там и будете живописать. Заодно терапевтировать каторжников, а не высших лордов, с которыми вы, судя по всему, работать не умеете.

— Я вас понял, — мрачно кивнул доктор.

— Очень вас ценю за тот высокий уровень взаимопонимания, который между нами установился. Но сейчас буду признательна, если вы займетесь своими делами, не отвлекая меня от моих. У нас еще полчаса приема, — леди достала из сумки ноутбук и положила на колени. Ей требовалось досидеть сеанс, чтобы не вызывать лишних подозрений. — И я буду холодный чай.

Доктор даже не удивился. Глава семьи Райвен никогда не отличалась ни вежливостью, ни тактичностью. Но то, сколько она платила за «обслуживание», было способно перекрыть все

причиняемые неудобства.

До плановой ежемесячной встречи с неоднократно упомянутым молодым лордом Райвеном оставалось еще два часа.

*****

Гаральд появился минута в минуту. В отличие от матери, воспитанно поздоровался и планово прошел через пятиминутку обязательных светских церемоний. Можно было начать разговор.

— Как ваше самочувствие? — дежурно поинтересовался доктор.

— Можете посмотреть запись нашей предыдущей беседы, — самым скучным голосом ответил Гаральд. — Ничего не изменилось.

— А как продвигается ваша арт-терапия?

— Цветопередача груш заметно улучшилась. Достижение, не правда ли? — лорд продемонстрировал идеально выверенную улыбку. — Планирую нарисовать рыбок. Как вы относитесь к рыбкам?

— Не обязательно включать вашу фирменную язвительность, — посоветовал доктор. — Я вам не враг. И вы понимаете, что выплеск творческих способностей вам необходим.

— Потрясающе. Я бы, скорее, назвал это менее поэтично, — Гаральд картинно зевнул. — Что еще на повестке дня? Не стесняйтесь, спрашивайте. Я же обязан отчитываться о состоянии своего здоровья.

— К слову, о состоянии здоровья. Ваши взаимоотношения с бутылкой…

— Мы по-прежнему неплохо друг друга понимаем. Может, мне начать рисовать бутылки? А вам таки заняться поэзией? Отлично у вас выходит, знаете ли. Взаимоотношения… с бутылкой. Я себе это даже представил на минуточку. Только какого размера должно быть горлышко у той бутылки, чтобы мои с ней взаимоотношения…

— Лорд Райвен, — прервал поток мыслей доктор. — Это стало заметно.

— Правда? — Гаральд изобразил удивление. — А я-то думал, когда же до вас дойдет?

— До меня уже давно дошло. Я жду, когда дойдет до вас. И хорошо, если степень ваших интересов в области изменения сознания заключена в стакане, а не в чем-то еще.

— Что-то еще? — на этот раз удивление лорда было непритворным. Он несколько секунд пытался понять, о чем идет речь. — Даже так? Вот сейчас, знаете, обидно было. Если бы я

не знал вас столько лет, я бы подумал, что вы пообщались с моей матушкой.

— Нет, — доктор нервно сглотнул. Проницательность молодого лорда его пугала. — С вашей матушкой я общался, но как со своей пациенткой.

— Угу, охотно верю, — Гаральд пристально посмотрел на доктора и очень нехорошо улыбнулся. — Свою матушку я тоже знаю много лет. Она внезапно озадачилась психическим здоровьем и из всех специалистов Джалана выбрала именно вас. Продолжайте, док.

— Ее беспокойство понятно. Если бы не медицинская тайна, я бы с удовольствием ей рассказал о некоторых нюансах, которые вы с ней не обсуждаете. И которые она трактует по-своему.

— То есть об этом вы ей все-таки не проговорились? — длинные ухоженные пальцы Гаральда жестко сцепились, выдавая хорошо скрываемую злость.

— Я врач, лорд Райвен. И ни за какие деньги я не буду продавать тайны своих пациентов. Леди просто обеспокоена, что вы можете перейти от алкоголя к чему-нибудь более… сокрушительному.

— Сама этого захотела. Она потребовала, я сделал. Если ее не устраивает, к чему эти требования привели — не мои проблемы. Что касается… модных порошков, то я этим не увлекаюсь в силу особенностей генетики. На полукровок лотос действует непредсказуемо. В отличие от старого доброго коньяка.

— Я не вдавался в такие подробности. Не мой профиль.

— Почитайте что-нибудь тематическое, — лорд сделал пасс рукой в сторону стеллажа с книгами. — И в следующий раз не задавайте мне глупых вопросов. Что же касается моих развлечений, то предлагаю оставить все как есть и не досаждать мне нотациями. Мне их более чем хватает дома. В виду особенностей нашей семьи я все еще на подчиненных ролях. Так что моя задача на ближайшие несколько лет — стать великим экономистом, желательно, миллиардером, и достичь высшего уровня власти. А вам моя матушка делегировала задачу сделать меня счастливым от этих перспектив. Я прав? Точно. Вот и делайте.

Гаральд почти улегся в кресле и прикрыл глаза.

— Все-таки я осмелюсь настаивать, чтобы вы пересмотрели свой образ жизни. Вы, помнится, очень активно тренировались, у вас были превосходные результаты в Академии.

— Было такое. А сейчас мне с кем драться? С руководителем налоговой?

— Тренировки компенсировали бы вашу малоподвижную

работу…

— Не я ее выбрал. Или вы снова намекаете, что я плохо выгляжу? Теперь уже с точки зрения нормативов роста и веса? Мне кто только об этом не говорил.

— Я ни на что не намекал, — попытался оправдаться доктор. И снова ужаснулся тому, с какой легкостью Гаральд читает его мысли. Для абсолютно не одаренного Искусством человека он обладал поразительной проницательностью.

— Вот только не надо этой театральной наивности. За время работы в госдепартаменте я уже сменил два комплекта униформы. Каждый раз на размер больше. Считайте, что меня это мало волнует. На мою нынешнюю работу отсутствие ежедневных тренировок никак не влияет. Равно как и на перспективы в качестве завидного жениха.

— Это ваша акция протеста? — доктор решил пойти ва-банк и больше не говорить высокими эвфемизмами. — И против работы, и против женитьбы?

— Ну да, — Гаральд открыл глаза и даже продемонстрировал живой интерес.

— И ваше саморазрушающее поведение — это щит, которым вы пытаетесь отгородиться от неизбежных перспектив?

— Тяну время. Ни один щит здесь не сработает. Я могу превратиться в рыбу-каплю, и все равно меня в положенный срок отволокут на веревке до алтаря. В нужный департамент ведь уже притащили. Как видите, не выделываюсь, прекрасно работаю. Что еще?

— Лорд Райвен, — вздохнул доктор. Он понимал, что сейчас придется принять сложное решение. На одной чаше весов — более чем серьезные деньги. На другой — профессионализм. Последний в итоге победил. Несмотря на страх до конца жизни писать пейзажи Альварских гор. — Вы не пытались больше встретиться с… вашей дамой сердца?

— Я не ослышался? — в синих глазах Гаральда полыхнула ярость. — Сколько времени вы рассказывали мне, что это просто нужно пережить?

— Боюсь, что я поторопился. И не учел вашу импульсивность в принятии скоропалительных решений. Я бы порекомендовал вам при случае… объясниться с ней за то, что вы сделали. Невзирая на мнение леди Райвен. И да, продолжайте рисовать. Даже если это вашей матушке тоже не нравится. Психология, знаете ли, неоднозначная наука. Мы можем на что-то надеяться, а в конечном итоге, жизнь все расставляет на свои места. Если вы действительно чувствуете себя несчастливым… вполне возможно, что встреча поможет вам успокоиться. Вы были влюблены в тот

образ, который помните по своим студенческим временам. И хотите вернуть свою беззаботную юность, с которой прочно ассоциируете свои… прошлые отношения. Плюс вас тяготит чувство вины. Все это и создает ваше патологическое состояние. Я думаю, вам стоит просто закрыть этот вопрос.

— Полагаете? — недобро зашипел Гаральд. — Или снова надеетесь?

— Пообщайтесь, — ушел от ответа врач. — Найдите хороший повод для встречи. Не для свидания. Что-нибудь… деловое. И все встанет на свои места. Вы вернетесь к своей работе совершенно нормально.

— Вот на это я бы не надеялся.

Лорд Райвен внезапно взял со стола металлический стакан с карандашами, вытряхнул содержимое и за несколько секунд играючи превратил металл в неровный шарик. Продемонстрировал доктору оригинальную скульптурную композицию и, не глядя, швырнул себе за спину. Шарик со звоном врезался прямо в стеклянную дверцу книжного шкафа. — Счет за разрушения пришлете.

Гаральд встал, церемонно поклонился и вышел.

Доктор закусил губу и посмотрел на разбитый шкаф. Он понял, насколько сильно ошибся.

Лорд Райвен мастерски создавал нужные иллюзии. Ему удалось обмануть и свою мать, и штатного мозгоправа. И, пожалуй, всех остальных, кто, глядя на него, делал такие же ошибочные выводы. Потому что человек, забросивший суровые тренировки и решивший активно топить свою печаль в бутылке, подобного фокуса проделать не сможет. Одно оставалось неясно: почему именно сейчас Гаральд решил указать на эту ошибку — и сделал это столь нетривиальным образом?

К сожалению, спрашивать уже было поздно. Оставалось только решить, что написать в официальном отчете и что сообщить леди Райвен.

Доктор взял бланк и вздрогнул. До него вдруг дошло, что означала эта молчаливая демонстрация. Пожизненная ссылка в Альварские горы — райский курорт по сравнению с тем, что с ним сделает человек, которого сильно достали чужие манипуляции под лозунгом заботы.

Триединая империя, Альварские предгорья
Северная провинция Идо

Долина Идо оказалась местной природной достопримечательностью: она расположилась прямо у подножья

Альварских гор, с северной их стороны, и опоясывала предгорье полумесяцем. Наискосок пролегла широкая река, а вдоль берега раскинулись зеленые заросли.

Автобусы, на которых из Белого Камня привезли всех желающих поехать на праздник, специально притормозили еще на подвесном мосту, чтобы можно было высыпать толпой и смотреть завороженно сверху вниз — на бескрайний лес, простирающийся дальше на север, и на этот нарядный полумесяц, вольготно улегшийся у подножья черных гор.

Идо был прекрасен. Он даже отсюда, с высоты, манил в свои объятья — пряно пах деревом и цветами, холодной водой и черной землей. До начала праздника оставалось еще несколько часов, но самые расторопные ставили палатки, а в едва подступающих сумерках уже загорались первые костры. На деревьях висели яркие бумажные фонари и такие знакомые открытки-сердечки — наверное, как и там, в другом мире, с именами и признаниями в вечной любви…

Сафира всматривалась в это живописное многоцветное кружево, перегнувшись через ограду, и предвкушала культурную вылазку. Только сейчас она вдруг задумалась: сколько же времени прошло фактически в заточении! «Школа», дом, изредка — прогулки по соседнему Давраху, где из всех развлечений — кабаки, казино и пара лавок. А когда у тебя нет денег — это и не развлечения вовсе. И вот наконец-то! Праздник!

Памятуя о холодных ночах на природе, она предусмотрительно собрала увесистый рюкзак, набив туда одеял и теплой одежды (для себя, а еще для этой глупышки Лейлы, которая думает, что до утра ее будут греть объятья какого-нибудь красавчика). Костя, естественно, не преминул высказаться, что они едут всего на одну ночь и незачем тащить с собой целый гардероб. Это добавило еще одну каплю глухого раздражения, которое копилось последнее время.

Сафира ощутила, как настроение леденеет. Отношения с Костей начались, как ничего не значащий флирт от скуки, а затем переросли в довольно пресный секс и несколько посиделок с тетей Глашей — та была к нему очень благосклонно настроена. И теперь это было уже тягомотное времяпрепровождение, перемежаемое необоснованной глупой ревностью.

Внезапно пришло странное ощущение никчемности, ненужности этого решения — вообще связаться с таким парнем, как Костя.

Особенно когда он незаметно появился рядом, встал над душой и начал вздыхать, как старая бабка на завалинке. А потом

и вовсе забубнил в ухо: «Ну че ты там высматриваешь? Пошли уже, все ждут!».

Никто никого не ждал, к ограждению точно так же прилипли еще две сотни зрителей, которых зачаровала панорама долины Идо. Костю бесил тот факт, что его девушка, едва автобус притормозил, бросилась к перилам и забыла обо всем на свете. В первую очередь, о нем, единственном и неповторимом!

Его в той же мере бесило, что она остается после уроков заниматься на школьной площадке. Бесило, что выпросила ключи от закрытого «физкультурного» класса, где был паркет и коврики для упражнений на полу. Он не понимал, зачем ей «ломаться» и «ноги за уши заправлять», если в предгорье никаких балетных школ не было и не предвиделось. И вообще, танцы — это странное и глупое занятие. Объяснение в духе «хотя бы для того, чтобы не потерять форму», было воспринято в штыки. По мнению неподражаемого Костика, в женщине должно быть мясо, а не только супнабор из костей.

За что однажды и был послан в мясную лавку с последующей неделей тотального бойкота. Задрал! И нытьем своим бесконечным, и придирками, и прочим. Но в итоге был прощен, потому что ходил хвостом и посыпал голову пеплом за свои слова. И еще целый месяц был шелковым. А теперь опять — началось в колхозе утро!

Костя был дурным, заполошным решением, принятым явно в неадекватном состоянии. Все дальнейшие отношения с ним можно было признать странным актом хронического самобичевания. Точнее, Сафира признала правоту магистра Гиллана. Она пыталась самой себе доказать, что не достойна лучшего. Что ее истинный потолок — такие парни, как Костик. Бессмысленные, никчемные, глупые. Что она сама такая же, возомнившая о себе невесть что, а на самом деле — пустое место, бездарность с «никакой» внешностью.

— Я тоже никак не пойму, что ты в нем вообще нашла, — уже в автобусе Лейла плюхнулась рядом и теперь косилась в сторону Костика. Тот, надутый, как мышь на крупу, отсел подальше на соседний ряд. И можно было смело сплетничать, не боясь, что подслушает.

— Я что, вслух размышляла? — ужаснулась Сафира. В последнее время ее вообще пугало происходящее и вокруг, и с ней самой.

— Нет. Просто ты так выразительно молчишь и смотришь на этого…

— Этот — достал меня уже вот где.

— И ты только сейчас это поняла? — Лейла криво

ухмыльнулась.

— Видимо, да. Он недотепа.

— Ну и зачем ты вообще с ним связалась?

— Спроси что полегче, сама не знаю. Но что-то мне подсказывает, что сегодня эта бессмысленная связь прекратится.

— А у вас с ним что-то было? — продолжала допытываться Лейла, краснея ушами.

— Что-то? — Сафира поняла, что разговор будет куда более откровенным, чем обсуждение ее странных отношений с Костиком. Лейла жаждала подробностей совсем другого толка. — Ну, было.

— И как?

— И никак. У меня, конечно, небогатый опыт, но есть с кем сравнить. Короче…

Убедившись, что никто не подслушивает, но на всякий случай, понизив громкость, Сафира начала делиться подробностями. Ей, пожалуй, самой хотелось сейчас проанализировать свой «небогатый опыт», чтобы понять, как поступить дальше с надоевшим кавалером.

Первый парень у нее случился в пятнадцать. С ним ничего не было, просто «ходили». Но мимо пройти было нельзя при всем желании: он был соткан из сплошной биохимии, от которой кружилась голова, и хотелось сделать пару оборотов вокруг Земли. Или в пятнадцать лет все первые «отношения» кажутся такими химическими?

Со вторым был целый курортный роман в Сочи, куда внезапно решила съездить маман. А там — две недели романтики! С прогулками под луной, пивом из пол-литровых баночек, обнимашками на остывающем песке, нежными поцелуями и украдкой выкуренным косячком в адлерском лесу. И снова «ничего не было»: сочинский юноша решил не рисковать. Зато все остальное было, если хорошенечко вспомнить. И было на высоте. О том, как бушуют разбуженные гормоны, как можно получить то самое «неземное удовольствие» от объятий, поцелуев, интимного шепота в ушко и самых раскованных ласк, Сафира узнала с ним, со своим «курортным» парнем.

В универе был Артур. Лидер курса, харизматичный, начитанный, интересный. И… пожалуй, слишком напористый. Слишком уверенный в том, что его все хотят, и по-другому быть не может. Не на это ли она купилась — на общественное мнение, которое подталкивало ее начать ради него «шевелиться»?

Артур заметил ее, когда она радикально изменила цвет волос. Сложно было не заметить, с таким-то полыхающим цветом. Наверное, он все понял. Догадался или, как обычно, был уверен

в том, что это именно ради него.

Впрочем, Сафира честно призналась Лейле: ради него и прихорашивалась. Но вышло не так, как хотелось.

— Не было того, что тогда, в Сочи. Ну вот этой… биохимии.

— А на что она похожа, эта твоя биохимия? Бабочки в животе или тараканы по голове елозят?

— Бабочки, да… — Сафира вспомнила адлерский лес, чем-то неуловимо похожий на живописные Предгорья, и свои ощущения тогда. Смуглый, рослый красавчик с чувственными губами, нежными руками и взглядом прожженного плейбоя. — Это как инстинкт. Когда прямо вот тело требует. Трогать хочется, и чтобы он трогал, даже чтобы лапал. Чтобы было то самое «все»!

— А с Артуром твоим не было такого?

— С Артуром не было, — Сафира помотала головой, и волосы тут же растрепались, полезли в рот и в глаза. — Артур… я даже не знаю, мне просто хотелось внимания что ли. Он такой… Мама говорит, породистый. Но химии не было. Было ощущение, что я кукла моргучая. Он что-то говорит, а я даже перечить не могу. Вот как отшибло три четверти мозгов!

Она еле сдержалась, чтобы не заплакать. Свидания с Артуром ее разочаровали, но ему ничего не стоило уломать ее на секс. Не грубо, просто очень настойчиво — и она, как овца на поводу, просто молча согласилась.

— В общем, что там писали в дамских романах о вершинах наслаждения, каких-то немыслимых взрывах сознания и подсознания? Так и запиши, брехня.

— Больно было?

— Первый раз — да. А потом… ну так, в целом, приятно.

— И это все, ради чего устраивают целые ритуальные пляски?

— Видимо, ради чего-то еще, но я не в курсе.

Сафира поняла, что сама себе врет. С тем парнем в Сочи как раз все было — первобытные, интуитивные ощущения, желание сорвать с себя одежду и… полностью отдаться на волю природы. Если бы только эта природа не струсила, потому что «связываться с малолеткой опасно».

— А зачем ты тогда с ним встречалась? С Артуром этим? — не унималась Лейла.

— Из-за статуса. С таким не стыдно было прогуляться по набережной. Или в кино сходить. Он меня всем представлял как свою девушку, а мне было приятно. Я даже на свадебные платья посматривала.

— Не рановато было смотреть-то?

— А ты никогда не смотрела? — зло сверкнула мокрыми глазами Сафира, и Лейла отвела взгляд. — Он меня бросил. Я уже

здесь поняла, что это к лучшему. Он же всегда решал, на какое кино мы пойдем, даже что в кафе заказать. Моего мнения он не спрашивал.

— А ты просто соглашалась?

— Я просто соглашалась, — кивнула Сафира. — И потом сама себя же ненавидела.

Сейчас она смотрела в окно автобуса. Пыталась успокоиться, чтобы не разреветься самым позорным образом. Мама любила повторять, что «за таких мужиков надо держаться». Вот и держалась. Пока не состоялся тот самый разговор с другой мамой, когда все встало на свои места. Или перевернулось с ног на голову?

А потом затяжная депрессия, сданные как в тумане экзамены, звонок тети Глаши, скоропалительные сборы и Камчатка, где даже не было времени ни с кем познакомиться. Последнее, впрочем, было только на руку, не пришлось потом объясняться.

И Костя. Зачем он был в ее жизни? Чтобы она самой себе могла доказать, что ни на что большее не имеет права рассчитывать? Что ее истинный потолок притязаний — неуклюжий веснушчатый парень недалекого ума?

Кому и что она пыталась продемонстрировать этой странной эскападой? Тете Глаше, которая полагала, что они прекрасная пара? Тетка и сама была не особенно умной, неамбициозной, пугливой женщиной, и всех мерила той же линейкой.

Костя был… примитивен. В нем даже искорки не было, даже намека на ту романтику и химию, от которой сжимались внутренности. Не было общих тем для многочасовых разговоров.

Он был… Чем-то вроде привычных неудобных туфель, которые нельзя снять только потому, что ты на работе и тебя не поймут.

Зачем он был? Просто чтобы убедиться — это однозначное, стопроцентное «не то»? Сафиру передернуло от мысли, что он снова к ней прикоснется. Что опять что-нибудь скажет своим занудным голосом, вечно недовольным, грубоватым. Нет, ну кто за уши-то тянул с ним вообще путаться? Боги пресветлые, какая тошниловка.

— Выходим! — команда Арины прозвучала так внезапно, что все одновременно вздрогнули.

— Уже приехали? — уточнил кто-то.

— Глаза с мылом промой, — посоветовала кураторша, первой спрыгивая на изумрудную траву и сочно чмокаясь с белокурым парнем, которому даже она со своим гренадерским ростом была по плечо.

— Здравствуй, красавчик! Сто лет тебя не видела!

— Не обманывай, только год, — бархатным баритоном ответил встречающий.

— Принимайте паству. Моих тут двадцать человек.

— А ты рада свалить на меня ответственность и убежать поближе к бочкам? — пока выгружались подопечные, блондин старательно флиртовал с мускулистой и мужеподобной Ариной так, как будто она была первой красавицей долины. Причем делал это столь естественно и непринужденно, словно и в самом деле не замечал ее некрасивости. И, что с самым большим изумлением отметила Сафира, всегда суровая и беспощадная Арина отвечала ему взаимностью. Хихикала, позволяла себя обнимать и трепать за щеку.

Впрочем, уже через секунду стало понятно, что с этим кто угодно голову потеряет. Арина упорхнула, парень обернулся к «пастве», и Сафира громко выдохнула. Парень был предательски красив, как бывают красивы только… ангелы. У него были сверкающие голубые глаза, пухлые розовые губы, особенно контрастно выделяющиеся на фоне белой кожи и белых волос, небрежно перевязанных тесьмой.

— Добрый день, меня зовут Киаран, я ваш сопровождающий на празднике, — поздоровавшись, он тут же подхватил тяжелый рюкзак Сафиры, сумку Лейлы и повел девушек к большой серебристой палатке. Парни машинально двинулись следом. — Вот здесь у нас мужская территория, синяя. Надпись «Белый камень» видите? Это ваша. Располагайтесь, пожалуйста. Спальники уже готовы, мы обо всем позаботились. А тут женская. Пойдемте, провожу.

И первым нырнул внутрь, чтобы сгрузить сумки. Показал свободные места, одарил девчонок обезоруживающей улыбкой и тут же вышел.

— Ты это видела? — прошептала Сафира, обмахиваясь рукой наподобие веера. «Биохимия» разыгралась не на шутку.

— Ну, — пожала плечами Лейла, — ты вообще первый раз видишь контактного друида?

— Они все вроде бы контактные, но я первый раз вижу такого красивого…

— О боже! — Лейла хлопнула себя ладонью по лбу. — Ты на уроках спишь или ворон считаешь? На основах расоведения же все объясняли! Короче, сама у него спросишь.

— Что? — вытаращилась Сафира.

— Да пошли уже! Или ты собралась здесь торчать весь праздник?

Таких странных планов, как заседание в пустой палатке, у нее не было, поэтому пришлось вынырнуть. Чтобы тут же попасться

на глаза Костику. Тот стоял, скрестив руки на груди, и сердито смотрел на нее.

— Что он делал в вашей палатке?

— Вещи помог занести, — терпеливо объяснила Сафира, хотя ей совершенно не понравилось, что кто-то вообще задает такие вопросы. Ну что мог делать в женской палатке куратор?

— Пойдем, поговорить надо, — Костя сцапал девушку за руку.

— Прямо сейчас?

— Да, прямо сейчас, — зло бросил парень и буквально поволок ее за собой к речному берегу.

— По-моему, сейчас вообще не время!

— А по-моему, ты на него пялилась так, как будто собиралась трахнуть! Ничего, что я вообще тут стою? — Костя буквально швырнул Сафиру на крупную корягу и навис сверху.

— Ничего, что ты ведешь себя, как хамло? Мне уже вот где твоя ревность и твои заскоки по каждому поводу!

— Я не хочу, чтобы моя жена…

— Твоя кто???

— Ты — моя жена, — сверкнул глазами Костя. — Фактически. Мы с тобой уже сколько?

— Кооостя. Какая разница, сколько. Это дает тебе право разговаривать так, как будто я твоя собственность? Для начала, я вообще не собиралась за тебя замуж.

— А за кого ты собиралась? За вот этого белобрысого? Ты думаешь, он на тебя посмотрит? У него таких как ты — тысяча! Он на тебя зыркнул, и ты сразу, как сучка, потекла!

— Ну ты ублюдок, — задохнулась Сафира и вскочила с коряги.

Костя снова ухватил ее за руку и попытался прижать к себе. Сафира от неожиданности охнула и начала выкручиваться, как учили.

— На празднике запрещено проявление насилия, — словно из ниоткуда прозвучал глухой голос. От дерева отделилась сначала тень, а затем высокая мужская фигура, закутанная в темно-зеленую униформу. Лицо незнакомца было скрыто маской, из-под которой виднелись только светящиеся глаза. — В случае первичного проявления физической агрессии мы предупреждаем об этом гостей, незнакомых с законами и правилами Империи. В случае рецидива — имеем право действовать на усмотрение, согласно кодексу правоохраны. Госпожа, пройдите к куратору вашей группы. Господин, это было первое предупреждение. И последнее. Насилие неприемлемо на территории праздника. Нам разрешено применять

повышенные меры обеспечения безопасности.

Костя застыл на месте, раскрыв рот и внимая этому бесстрастному голосу. Сафира, воспользовавшись моментом, бросилась бежать прочь от реки. И через пару метров врезалась во что-то, благо, мягкое и мелодичным баритоном засмеявшееся.

— Осторожно, это лес, здесь не носятся, очертя голову.

— Киаран! — Сафира, не задумываясь над тем, что делает, рухнула в объятья друида. — Где у вас тут наливают?

— Нервы полечить? — куратором парня назначили не без причин. Понятлив был на удивление. — Пойдем, там уже все собрались.

Он подхватил ее под руку и повел к поляне. Пожалуй, стоило держаться покрепче — в лесу совершенно внезапно и как-то очень быстро стемнело: вот только что солнце еще светило, и вдруг сразу такая тьма!

Через пару минут Сафиру уже приняли в большую компанию, расположившуюся кругом возле костра, укрыли пледом, с двух сторон обняли — с одной Киаран, с другой — какая-то столь же высокорослая, белокурая и улыбчивая девушка. И стало так тепло, спокойно и душевно…

В руках оказалась деревянная кружка с чем-то сладко пахнущим и похожим на жидкую простоквашу…

— Это что?

— Варунья, — пояснила девушка. — Ты тут первый раз? Из прибывших?

— Ну, я так понимаю, что да, из прибывших. Я из Белого Камня. Это можно пить?

— Нужно! — друида тут же показала пример, осушив до дна свою немаленькую тару.

Варунья оказалась изумительной! Это действительно было что-то молочное, и не разберешь, из чего сделанное, похожее на смесь ряженки и «Бейлиса», щедро сдобренную пряностями.

— Еще? — участливо поинтересовался Киаран, доставая бутыль циклопических размеров.

— Ну не до следующего же года ждать, в самом деле! — притворно возмутилась друида, первой подставляя свою кружку.

— Ты только на нее не смотри, — предупредил Киаран. — Она может ведро выпить и наутро поскакать на работу. А тебе я половину налью. Не от жадности, а чтобы тебя не унесло раньше времени. Пьется-то легко, только с ног сшибает, и утром, если перебрать… в общем, лечить тебя будет некому.

— Ну да, вкусно!

Внутри разливалось блаженное тепло, а вместе с ним — ощущение безграничного спокойствия, какого она давно уже

не ощущала.

— Полегчало? — Киаран снова обнял ее за плечи, а затем отстранился и смутился. — Прости, я забыл.

— Что забыл? — озадачилась Сафира. Она не понимала происходящего.

— Что ты не отсюда, и можешь неправильно понять меня. Привычка, — друид развел руками в извиняющемся жесте. — Инстинкт. Я хотел, как лучше.

— А говорить загадками — это тоже инстинкт? Или это заразно? Моя приятельница тоже начала сегодня какими-то междометиями разговаривать. Сказала, что я никогда не видела контактных друидов, потом убежала, не объяснив, что к чему. Теперь ты!

Выдав на одном дыхании эту тираду, Сафира уже собиралась встать и обиженно уйти, но поняла, что и ноги действительно не слушаются, и друид смотрит на нее каким-то совсем уж странным взглядом.

— Не объяснили, значит? — Киаран выглядел так, как будто одновременно хотел и рассмеяться, и показаться серьезным.

— Значит, не объяснили. И, видимо, объяснять не собираются! — вся эта игра в загадки порядком надоела.

— Поправимо. Друиды — это люди… объединенные с природой. Можешь считать меня немножечко деревом. Среди нас есть те, кто просто может помочь, например, пшенице на поле вырасти быстрее, заживить рану, вылечить болезнь наложением рук. И есть… скажем так, особый дар, который мы называем контактным Искусством, — Киаран сбился, подбирая слова. — Если вам не объясняли, мне будет сложно так просто рассказать.

— Попробуй сложно, я не спешу.

— Хорошо, — кивнул друид. — Можно твою руку? Что сейчас чувствуешь?

Сафира почувствовала. От ладони парня исходило ощутимое тепло, не обычное, как от человеческой кожи, а такое, будто… грелку приложили. И это тепло успокаивало ее разбушевавшиеся нервы. Вместо него появлялась та самая «биохимия» и «бабочки», как в Сочи. А еще она вдруг увидела, как из ладони в ладонь переливается прозрачный зеленоватый поток.

— Что это?! — изумилась девушка, моментально позабыв о неприличных ощущениях.

— То, что и называется контактным Искусством. Энергия. Только применять мы ее можем далеко не ко всем. Для этого нужно… даже не знаю, как правильно объяснить, чувствовать нужно человека. Ощущать что-то вроде симпатии, притяжения. То есть, если тебе кто-то противен, то не сработает. Это на уровне

инстинкта, его практически невозможно контролировать. Мы ощущаем что-то вроде непреодолимого желания, когда понимаем, что можем помочь, излечить. Тело или душу, в общем, то, что болит.

— А что у меня болит? — внезапно спросила Сафира.

— Душа, — не задумываясь, ответил Киаран. — Но не болит, нет, просто устала, запуталась. Наверное, для тебя все это выглядит странным, а для нас — совершенно нормально. Это наша природа. Мне кажется, я тебя напугал.

— Нет. Меня этот напугал, который на берегу был.

— Парень или патрульный?

— Этот, в зеленом.

— Дежурных не бойся, здесь сегодня сборище высокородных, понавезли сюда и охранки, и даже карателей. Эти вообще выглядят, как чудовища, но они здесь как раз для защиты. А тот парень пытался на тебя напасть?

— Скорее, агрессивно выяснить отношения.

— Забудь. Он к нам не подойдет. Я прослежу.

Сафира поежилась, и Киаран снова ее обнял. Сопротивляться не было никакого желания, наоборот, захотелось уткнуться носом в белую рубашку друида и прямо так сидеть долго-долго.

— Ты здесь в безопасности. Никто не обидит. Хочешь спать?

— Нет. Ты не досказал про контактную энергию, почему меня это должно было напугать?

— Хм. Видишь ли, как бы объяснить? Если речь заходит о каком-нибудь легком воздействии, когда нужно успокоить, я могу просто обнять, и станет легче. Но если все серьезно, например, тяжелая травма, потеря или проклятие — то понадобится нечто большее, чем просто посидеть рядом и руками поводить.

— Нечто большее? — Сафира приподнялась и непонимающе посмотрела на друида.

— Ну скажи, что этого ты тоже не знала, — вздохнул Киаран. — Боги пресветлые. Чему вас учат? Это не тебе упрек, прости, скорее, вашим учителям. Мы воздействуем с помощью физического контакта. Который, как ты понимаешь, без взаимной симпатии невозможен. Не получится.

Потребовалось время, чтобы понять прозрачный намек. Сафира долго складывала в голове разбегающиеся мысли и, наконец, смогла сконструировать из них внятную схему:

— Погоди, я сейчас скажу, но ты обещай, что не будешь надо мной смеяться. Пожалуйста!

— Не буду.

— Обещай! Потому что я могу совсем глупость сморозить.

— Обещаю, — Киаран сделал большие глаза.

— Друиды. Вы… типа как в нашем мире дриады, да? То есть вы можете излечить с помощью…

— Секса, — подсказал Киаран. — Мы называем это прямым контактом. Сексом занимаются люди. Что ты так смотришь?

— Поэтому и… контактные?

— Поэтому, — даже в темноте было заметно, что Киаран покраснел и одновременно попытался не смеяться. — Прости, это так забавно, что ты не знаешь о нашей особенности.

— То есть вы можете прямо с незнакомым человеком, только потому что надо… полечить?

— Да, — пожал плечами друид. — Для нас это нормально, это часть друидской природы. Но такое возможно только когда кто-то нуждается в… воздействии. И когда объект нравится. Тогда инстинкт сам включается. Такая способность есть не у всех, примерно у трети. У полукровок, как ни странно, практически у всех. За редким исключением. А еще мы… у нас… в общем, это нормально, что к нам испытывают особую симпатию, доверие или даже непреодолимое желание. Это тоже наша природа, притягивать. Даже если друид не одарен Искусством вообще. Тоже природа. Поэтому мы стараемся жить обособленно. Чтобы не провоцировать людей.

— Божечки. Куда я попала?

— Я тебя все-таки напугал, — вздохнул Киаран. — Если хочешь, позову кого-нибудь из людей, пусть с тобой посидят.

— Не надо никуда убегать, — Сафира схватила парня за рукав. — Все хорошо. Только не говори, что мне вот сейчас нужен этот ваш прямой контакт.

— Если ты про лечение, то нет, не нужен. На тебе нет проклятий, и болезней нет. А то, что тебя гложет, — Киаран усмехнулся, — с этим даже подросток справится. Доверишься?

— Никуда не пойду! — запротестовала Сафира, ощущая всю странность, ненормальность происходящего. Совершенно незнакомый парень, которого она видит первый раз в жизни, и такое странное… действительно, притяжение, похожее на инстинкт, который сильнее разума. Биохимия, для которой нет разумного объяснения.

— Не нужно никуда ходить, просто доверься. Немного друидского Искусства, — Киаран заговорщицки улыбнулся, обхватил руками лицо девушки и очень мягко, почти невесомо поцеловал.

Сафира почувствовала, как в голове, затем в груди, а потом в животе начали рваться прочные нити, перепутанные в ядовитые клубки. Рвались с треском, который отдавал в ушах,

с ощущением, будто миллионы тончайших иголок выходят через кожу. И вдруг стало легче дышать и даже думать. Мертвая хватка, сдавливавшая грудь, не дававшая вдохнуть этот упоительный лесной воздух, отпустила. Невидимая рука, вцепившаяся в душу, разжала цепкие пальцы и растворилась в шумной, яркой ночи.

— Это…

— Обычное контактное воздействие. В твоем случае — очень легкое, большего и не нужно. Хочешь пойти потанцевать?

— Хочу! — Сафира внезапно поняла, что хочет. И танцевать, и прыгать через костер, и во все горло вопить от восторга, и вообще, все!

Праздник был в разгаре, сидевшие возле костра как-то внезапно исчезли — а она и не заметила, звенела задорная музыка, которая до этого звучала как будто через толстый слой ваты, а теперь вовсю призывала сорваться с места и бежать вприпрыжку…

— Ну так чего сидишь? — подтолкнул ее Киаран. — Свободна, птица, лети!

Триединая империя, Джалан
Район Фирих, департамент правоохраны и судейства

Дежурный прокурор Коннор посмотрел на часы: семь вечера, вахта заканчивается в полночь, к двум ночи он уже будет в Идо. Если бы не прямой приказ патриарха, можно было вообще до утра остаться на работе. Но приказ имелся, и к полуночи должен был заступить следующий дежурный, милейший мужик по кличке Крокодил. Опытный, зубастый и непробиваемый. На него можно было спокойно положиться и уехать, чтобы, пусть и с огромным опозданием, но все-таки прибыть в долину. Именно этот факт и успокаивал, пусть и не полностью: Крокодил справится.

Ночь была особенно опасной: практически все каратели находятся в Идо, сопровождают высокородных, усиленная охрана — только в императорском дворце, где остался Тагир, друиды — в минимальном количестве, из числа дежурных по больницам. Никто не пропускал главный праздник страны, и город был фактически беззащитен.

Об этом все прекрасно знали, и опыт прошлых лет наглядно показывал, что в первую ночь осени всегда бывает особенно жарко и кроваво. Интуиция выражала солидарность с этим знанием — и не зря.

От воя сирены Виктор подскочил. Сигнал происшествия класса 2. Это означало то, чего не может быть: перестрелка, есть погибшие.

— Старый порт, огнестрельное оружие! Рейд-бригада на выезд! — орал дежурный.

Черный китель одним махом был сброшен на стул. Из шкафа изъят легкий бронежилет. Сорок секунд — и Виктор уже сидел в автобусе вместе с рейд-бригадой.

— Ордер на оружие, — Виктор протянул руки штатному менталисту.

— Лорд Коннор, вы наблюдатель, — качнул головой маг.

— Исполнять! Если в меня начнут стрелять, мне стоять молча? Кулаками отмахиваться? Или дождаться, когда в столицу вернут карателей и расстаться с парой внутренностей за незаконное применение? Ментальный ордер, быстро!

— Тристан, выполняй, — с переднего сиденья отозвался капитан Брайс. — У нас и так сегодня людей меньше нормы.

— Суки, нашли момент, — прошипел маг, снимая с запястий Виктора ментальные печати. Обычно невидимые, они слабо засветились бирюзовыми «снежинками» и погасли.

Теперь лорд мог спокойно использовать огнестрельное оружие. Обычно наблюдателям этого не разрешали: временный допуск давался только патрульным и рейдерам.

— Брайс, ситуация, кратко, — Виктор потер опаленные магией руки и надел прозрачные очки.

— Без подробностей. Патруль доложил, что в Старом порту перестрелка. Автоматы, судя по звуку. Наши вызвали подкрепление.

— Откуда оружие?

— Без понятия, — мотнул головой Брайс.

— Откуда! Здесь! Оружие! — заорал Виктор, рванувшись вперед. — Что, мать вашу, происходит в столице? У таможни глаза на заднице?

— Коннор, ты здесь, чтобы орать? — капитан перегнулся через сиденье. — Рейдом командую я. Закончим — передам это дело лично тебе, и будешь разбираться, кто допустил в город огнестрел. А сейчас работаем. Приготовились! Пошли!

Рейд-группа начала операцию.

Триединая империя, Джалан
Район Старый порт

Старый морской порт числился заброшенным. В Джалане уже несколько лет работал новый, современный, а прежний у властей все никак не доходили руки отремонтировать. Стрельба была в административном здании — древней двухэтажке, которую и не приметишь за рядами лачуг. Там теперь ютился всякий

сброд, а расчистить эти позорные трущобы у государства не хватило времени и людей. В итоге порт продали с молотка, надеясь, что хотя бы новый хозяин займется его перестройкой. Но расчет не оправдался. Скорее, все стало еще хуже — район приобрел славу криминального квартала, куда даже патрульные не совались без особой нужды.

Высадиться пришлось в нескольких метрах от здания, чтобы не попасть под огонь из окон. Штурмовой отряд пошел вдоль кособоких домов, окружающих двухэтажку, стараясь не выходить из слепых зон. Часть группы, повинуясь жесту капитана, рассыпалась — прикрывать. Часть продолжила продвигаться ко входу.

Брайс на секунду замер, прислушиваясь. Внутри здания продолжал стрекотать автомат. Скупой жест — и штурмовики устремились в распахнутые двери.

Первым в расход пошел парняга, оглашенно поливавший из автомата просторный холл. Бутылки с какой-то ядреной сивухой сыпались на пол с похоронным звоном. Бетон был мокрым, липким от крови и усеянным телами. Навскидку на полу лежали две дюжины убитых.

Сверху снова раздался стрекот — и один из оперативников рухнул. Ответная очередь припечатала автоматчика к стене, и Брайс скачками помчался вверх по лестнице.

Возле входа в длинный коридор он притормозил. Прислушался. Дверной проем огрызнулся короткой очередью. Брайс упал на одно колено и с низкой позиции ответил в коридор. Глухой удар — тело стрелка упало на покрытый выцветшей дорожкой пол. Момент был опасным, коридор узким, прикрывать сложно, на этаже — десятки кабинетов, и в каждом могла засесть невидимая смерть.

Сердце капитана колотилось. На решение — секунды. Брайс скомандовал штурм. Парни врывались, не размышляя. Некогда было думать. Автоматные очереди поливали помещения, выгрызая тех, кто был опасен, не давая опомниться.

Конец коридора. Зачистка окончена.

— Вы двое, обыскать этаж, — приказал Брайс. — Найти выживших, если есть, вызвать друидов. Остальные за мной вниз.

Виктор ждал на первом этаже — вместе с частью группы, зачищавшей просторный зал. Здесь было относительно чисто: одного стрелявшего сняли в первые секунды штурма, окровавленные трупы смирно лежали на полу, прямо в куче битого стекла, обломках мебели и прочих деталях «натюрморта».

Судя по звукам, на втором этаже парни Брайса обезвредили других любителей огнестрельных фейерверков. И все стихло —

оперативно закончили. Или нет?

Обострившийся слух уловил новый звук — слева. Кто-то крался или полз и что-то уронил. В висках отчетливо застучал пульс.

Накатила тошнота и мигрень. Виктор никому и никогда не признавался, что его друидская часть всегда так реагирует на насилие. Эмпатическая синестезия — полная профнепригодность для службы в охранке.

Краем глаза он заметил спускающегося по лестнице капитана и его парней. Если на втором с задачей по зачистке справились так же, как и на первом, можно ожидать сюрпризов. Прокурор сделал мысленную пометку: оставленные без присмотра парни на первом этаже сработали халтурно. Не осмотрели помещение как следует, не все проверили.

Неужели все так прогнило? Настолько, что здесь, под самым носом у императора десятки трупов за каких-то двадцать минут?

Интуиция снова взвыла.

— Коннор, стоять! — в голосе запоздавшего Брайса лязгнула сталь. Догадался, что его парни облажались.

Виктор успел сделать шаг к неприметной двери в стене. Грохнул выстрел, левое плечо разорвало болью, и тут же на грязный пол рухнуло еще одно тело — с простреленной головой долго не живут. Внутренняя сирена замолчала: все кончено. Здание зачищено.

Виктор медленно повернулся к Брайсу.

— Здесссь. В ссстолице.

— И они без меток, — обескураженно заметил капитан, осматривая трупы. — Наемники. Это лангардцы. А эти вообще не знаю, откуда взялись.

— Ссуки, обнаглели как, — прокурор решил больше не разбрасываться словами. Он снова начал заикаться, не стоило этого лишний раз показывать.

Брайс осторожно заглянул за обшарпанную дверь.

— Баааа! Вот за что они тут сцепились!

За дверью оказалась довольно большая комната, практически доверху набитая тюками. Какие-то из них были прошиты пулями, и содержимое просыпалось прямо на бетонный пол. Черный порошок, хорошо знакомый любому опытному оперативнику из охранки.

Брайс с изумлением посмотрел на прокурора: капитану не доводилось слышать из уст сдержанного человека таких витиеватых матерных конструкций.

****

На улице было холодно, моросил мелкий противный дождь, но Виктору было наплевать. Он подставил пылающее лицо под капли и жмурился, пытаясь унять мигрень.

— Коннор, ты ранен, — заметил подошедший Брайс. — В больницу надо.

— Дежурю, — прокурор отправил очки и пистолет по местам.

— С простреленной рукой работать нельзя. Сейчас будет скорая, залатай хотя бы.

Отвечать Виктор не стал.

Дежурная друида принялась сноровисто хлопотать над ним прямо возле машины скорой. Стянула с Виктора бронежилет и безнадежно испорченную рубашку. Мельком глянула на огромную татуировку, пересекавшую грудь, живот и верхнюю часть левого плеча. Узор был замысловатым и сложным, не до вдумчивого рассматривания. Главное, что ранение не повредило прекрасный рисунок.

Из ладони женщины полилась энергия.

— Ничего критичного, пуля прошла по мягким тканям, залечим быстро. Поедете в больницу.

— Я дежурю, — в очередной раз объяснил Виктор.

— Понятно. Тогда сейчас обезболю, уж как смогу подлатаю, а вы… ну вы сами наполовину друид, все знаете.

— З-знаю, — Виктор послушно позволил надеть на себя рубашку, а затем фиксатор, уложив руку в матерчатую «люльку».

В долине на такую рану у любой лекарки уйдет десять минут, и, если постараться, не останется даже шрама, или он будет незаметен. Сейчас было важно не это.

— Виктор, — почти неслышно позвал его Брайс, когда друида погрузилась в машину. — В порту почти полсотни трупов. У нас трое погибших, еще двое ранены. Я десять лет на службе, но такое первый раз.

Прокурор посмотрел прямо на капитана. Тот отвел взгляд.

— Сссюда. С оружием. И это… — он махнул рукой в сторону тюков, которые уже выволокли во двор здания. — Это вообще что?

— А то ты не понял, — огрызнулся капитан. — Гнием. Похоже, после того как мы накрыли все местные фабрики, они наладили новые поставки из-за границы. С таможней, видимо, было проще договориться.

— А оружие?

— Полагаю, охрана. Наемники, с огнестрельным и без ментальных меток. Я только не понял, почему здесь была перестрелка.

— Кто-то пытался взять груз, — предположил Коннор. — Лангардцы против… кто там, ты разобрался?

Брайс начал нервно прохаживаться по двору. Осмотрел пару трупов.

— Не-а. Но они тоже без меток.

— Значит, встречающая группа тоже привлекла своих наемников. Думаю, они прибыли под видом туристов, — сделал вывод Виктор.

— Сучье отродье! Хоть границы снова закрывай…

— Не поможет. Столица сгнила до костей.

— Вот и вали к себе обратно в горы! Ты их не достанешь, они как зараза.

— Брайс, я их лично…

— Сдохнешь ты лично! — капитан пнул один из тюков. — Как только еще раз сунешься. Думаешь, я не был таким, как ты? Не хотел порядка, не возмущался тем, что творится в городе? Ну, достанешь ты их. А они тебе устроят показательную акцию. На чем-нибудь поймают, с них станется и сфабриковать! И газетные шлюхи будут петь хором, что лорд Коннор людоед и преступник. Тебя проволокут через строй. Если кто-нибудь надавит сверху, придумают повод для показательной казни. Так что не лезь.

— Эти ублюдки считают, что купили здесь всех, — констатировал Виктор.

— Умница, мальчик. Хорошо соображаешь. Именно так.

Прокурор Коннор зловеще расхохотался.

— Это даже не вызов, это плевок. Сейчас в департаменте только дежурные. Нам некому звонить и некого звать. То, что я задержался на работе — чистая случайность. Меня тоже не должно было там быть. Завтра утром я должен был быть в друидской палатке, пьяным и счастливо обнимающим свою женщину. В то время как по столице бегают неопознанные гастролеры с оружием в руках, а в порту разместили склад черного лотоса. Который одни привезли, а другие пытались забрать. Как итог — полсотни трупов с огнестрелом. И ты мне говоришь — забудь, ты ничего не сделаешь? Серьезно?

— Чего ты от меня хочешь? — дернулся капитан.

— Нам нужно достать ту мразь, которая за это отвечает.

— Нам? — Брайс покрутил пальцем у виска. — Головой подумал? Если решил сдохнуть на эшафоте, не возражаю. На похороны приду. Лично я собираюсь дожить до пенсии.

— Не доживешь, — Виктор оскалил зубы и приблизился к капитану вплотную. — Меня уберут первым. Я просто так это не оставлю. А ты продержишься от силы месяц. Год. Империя

гниет, и мы вместе с ней, Брайс.

— Что тебе неймется? Поехали, завтра будем разбираться.

— Свидетелей не осталось. Мы уже не узнаем, кто привез груз, и кто решил его присвоить.

— Ну и? — капитан не понимал, к чему ведет прокурор.

— Есть одна деталь. Я знаю, кому принадлежит старый порт. Это частная собственность, и на его территории ничего не происходит без разрешения хозяина. Даже бездомные не селятся. Давай мыслить логически. Кто-то знал, что сегодня будет поставка. Раз решили перехватить контейнер, не отходя далеко. Значит, на одной или на другой стороне играет тот, кто контролирует порт. Он или хозяин груза, или тот, кто организовал пламенную встречу. Я хочу с ним увидеться.

— У нас нет ордера.

— На что? На разговор? Считай, что я просто хочу нанести частный визит и спросить, откуда в порту взялся лотос и оружие. Именно в тот день, когда в городе нет карателей. Не хочешь составить мне компанию — съезжу один.

— Герой-одиночка выискался, — сплюнул Брайс. — Тебе прямо сейчас нужно это делать? Ты вообще-то на дежурстве.

— А ты давал клятву защищать империю. Даже ценой собственной жизни, — Виктор зашвырнул бронежилет в автобус. — Отсюда полчаса. Я хочу с ним поговорить.

Триединая империя, Джалан
Район Ламех, частный жилой поселок

— Коннор, — тихо позвал Брайс, отвлекшись от созерцания улиц за окном автомобиля. — Ты не говорил, что владеешь двойной магией.

— Незачем.

— Я всегда думал, что ты просто эмпат. Не знал, что друидские способности у тебя тоже есть.

— Я полукровка, если ты не заметил.

— Заметил. Но такое очень редко встречается, чтобы и от матери, и от отца.

— Не болтай. Вон тот дом.

— Замок людоеда какой-то… — удивился капитан, вглядываясь в полутьму, прорезаемую светом уличных мачт и прожекторов. — Откуда ты знаешь?

— Память хорошая.

Дом был действительно особенным. Шестиэтажная конструкция странной формы, как будто здание собирал из гигантских кубиков несмышленый малыш ростом с Альварский

хребет. В одну из стен дома было вмуровано четырехметровое круглое окно. Из такого только ведьмам на помеле по ночам вылетать удобно. Для каких иных целей можно было соорудить подобный архитектурный кошмар, объяснить нельзя было при всем желании. Дом не просто возвышался над поселковыми окраинными коттеджами, он торчал над ними, как уродливый белый гриб с коричневой шляпкой-крышей.

— Куда мы вообще едем? — запоздало поинтересовался Брайс, уже выходя из машины.

— К доктору Коди. Здание старого порта уже три года как принадлежит ему. Я его вспомнил, он друид, раньше работал в департаменте здравоохранения. Занимался контролем фармацевтики. И что-то мне подсказывает, что нужный ответ я от него услышу.

— Коннор, ты самоубийца, — Брайс сделал последнюю попытку отговорить прокурора от безумства. — Завтра выпишем ордер и приедем нормально.

— Сейчас, — Виктор решил не вдаваться в детали. — А завтра свалишь все на меня.

— Ты рехнулся?

— Обстоятельства угрозы безопасности империи. Я как высший лорд и прокурор имею право приказывать.

— С полной личной ответственностью за последствия, Коннор.

— В курсе. Не хочешь — вали сейчас, не держу.

«Замок людоеда» окружал глухой забор, через который перелезть при наличии сноровки и снаряжения. Или дождаться, когда тебе откроют. Дурацкая ситуация, но деваться было некуда.

— Привет, — поздоровался Виктор с охранником, изображая дежурную хищную улыбку. Он хорошо знал, как действовать с эффектом внезапности.

— Что за…

— К доктору Коди. Департамент правоохраны, прокурор Коннор, капитан Брайс. Открывай.

Триединая империя, Альварские предгорья
Северное провинция Идо

Сафира стояла в первом ряду зрителей и завороженно наблюдала за представлением: ведущий объявил выход «звезды праздника, несравненной госпожи Малены» — и та не заставила себя ждать: будто огонь полыхнул, разорвав темноту ночи.

На сцене появилась высокая смуглая брюнетка в кроваво-алом платье. Точеная ножка показалась из высокого разреза,

и у всех стоящих в толпе мужчин вырвался дружный вздох. Малена обвела шаловливым взглядом толпу завороженных зрителей, взмахнула руками, увешанными россыпью браслетов, и начала танец. Изгибаясь, двигаясь в такт неспешной музыке, которую Сафира могла сравнить только с чем-то восточным. Барабаны, резкие звуки дудки, какие-то неопознанные струнные…

Звезда сцены была воплощением сексуальности — той неприкрытой первобытной, животной похоти, которую не сдерживала мораль или притворная стыдливость. Женщина выгибалась так, будто звала распаленного страстью партнера. Ее высокая грудь вздымалась, бедра нетерпеливо двигались, искали и не могли найти того, кто утолит эту страсть…

И вот он пришел, невидимый любовник. Малена дрогнула, на ее лице отразилась смесь удивления и наслаждения, она упала на колени и прогнулась, подчиняясь незримым сильным рукам, которые жадно ласкали ее тело. Музыка ускорялась, и вместе с ней набирали скорость движения — алое платье полыхало, черные волосы взметались в воздух, руки то прижимались к груди и к бедрам, то обнимали все того же невидимого любовника.

Малена билась в бешеном ритме, раскрывала губы в немом крике экстаза — и обессиленно рухнула на сцену, не забыв красиво прогнуться, чтобы из разреза платья вновь выглянула смуглая ножка.

Ночной воздух до отказа наполнился громкими выкриками, аплодисментами, воем и даже проклятиями в адрес «алой ведьмы». Сафира с интересом прислушалась — восторженно вопили мужчины, проклинали — женщины. По всей видимости, не одной благонравной матроне доводилось услышать, как забывшийся в порыве страсти верный муж шепчет имя «Малена».

В душе девушки даже не зашевелилось, заворочалось, пробудилось и сладко потянулось непреодолимое желание: выйти на сцену, непременно в алом платье. И танцевать, ловя на себе эти восторженные взгляды, пить всей душой гремучий коктейль из обожания, восхищения, ревности и безумия, охватывающих всех, кто попал под действие магии танца…

Сафира закусила губу и вцепилась в ограждение, отделяющее толпу от сцены. В такую материальную, такую высокую преграду между ее нынешней жизнью и ее мечтой, о которой она старательно пыталась забыть. Которую столько раз стремилась превратить в «глупое никчемное развлечение». И которую теперь очень хорошо ощущала — как ту самую пустоту, которую можно заполнить только одним способом: признаться себе, что она хочет стать такой же, как Малена. Звездой, на которую с обожанием смотрят тысячи глаз.

Триединая империя, Джалан
Район Ламех, частный поселок

Доктор сидел в глубоком парчовом кресле, положив левую руку на пухлый живот, выпиравший дрожжевым тестом из-под халата. В правой руке он держал толстую сигару и с наслаждением ею попыхивал.

Виктор стоял напротив, заложив руки за спину. Брайс контролировал вход в гостиную.

— Так вот ты какой, бешеный мальчик из прокуратуры, — мясистое лицо доктора выражало приветливость и любопытство. — Точно, бешеный. Ворвался ко мне в дом среди ночи. Замечу, даже без ордера. Ты хоть знаешь, что с тобой завтра случится?

— Да, — кивнул Виктор, — Со мной случится тяжелое похмелье. Мы закончим беседу, и я полечу в Идо, чтобы там нажраться до беспамятства.

— А я думал, ты не пьешь, — удивился Коди. — Ты же такой… правильный. Как тебя в департаменте называют? Рельс в кителе?

— Ваше пристальное внимание к моей биографии удивляет. Кстати, друиды обычно не курят. И не страдают лишним весом, — парировал Виктор. — Табачный дым плохо влияет на способности. И ожирение излечивается. Значит, ваш дар был заблокирован. Прокляты или наказаны?

— Мне про тебя много рассказывали, — вздохнул доктор и стряхнул пепел прямо на ковер. — Что у тебя уникальное чутье, железные принципы. Смотрю, не соврали. Только, судя по тому, что ты явился сюда, у тебя еще и проблемы с головой.

— За что вас наказали? — Виктор пропустил оскорбление.

— Какая тебе разница? — Коди затушил окурок в хрустальной пепельнице. По комнате поплыла вонь.

— Изготовление наркотиков? — не унимался прокурор. — Вы ведь были фармацевтом. Я вас помню.

— Зачем тебе это знать, деточка? — глаза доктора стали обиженно-злыми. — Ты не помнишь главного. Как империя предала меня. Я был хорошим врачом. Ты прекрасно знаешь принципы друидов, нас ведет инстинкт, а не человеческая мораль.

— Что вы сделали, док? За что вас прокляли?

— Я помогал тем, кого уже не спасти. Давал им возможность не мучиться, уйти быстро. Без боли.

— Зачем? — невпопад спросил Брайс. Виктор вполголоса

выругался.

— Я видел слишком много боли. Ты, — доктор нацелил на прокурора длинный крючковатый палец, — ты ведь меня понимаешь. Ни разу не хотелось помочь людям? Совершить благое дело? Прервать мучения, против которых и друидская магия, и человеческие лекарства бессильны?

Брайс удивленно заметил, как смуглая кожа прокурора становится серой.

— Вы практиковали добровольную смерть, — сделал заключение Виктор. — Я не могу судить вас за этот поступок.

— Ты как раз меня и не осудишь, мальчик.

— У меня к вам другой вопрос. Вы покрываете наркоторговцев. В вашем порту сегодня был обнаружен черный лотос. И вы отлично знаете, что порошок делает с людьми.

— Дааа, — широко улыбнулся Коди. — Я лично помог усовершенствовать формулу. Сделал ее, скажем, достаточно наглядной.

— Зачем? — глаза Виктора засветились.

— Я хочу, чтобы в империи приняли закон о добровольной смерти. Чтобы вынуждены были признать мою правоту. Меня лишили всего — моей работы, моих способностей, моей жизни! Только за то, что я помогал людям не мучиться! — лицо доктора исказилось. — Я хочу, чтобы их были тысячи. Тех, кто умирает в муках. И кому не смогут помочь ни технологии, ни Искусство. Чтобы об этом заговорили, а не молча подписали мне приговор и выбросили, вымарав мое имя! Чтобы Тагир был вынужден принять этот хренов закон!

— Путем массового убийства? — зашипел Виктор.

— Безмозглый мальчишка! Не я ввел эту моду. Не я спрашиваю у проверенных людей, где достать порошок. Они убивают себя добровольно! Ты думаешь, они не знают, на что идут? Не в курсе, какими будут последствия? Они все знают, но хотят! Кто попробовать, кто кайфануть, кто выпендриться! Не я, так кто-нибудь другой. Я просто воспользовался случаем.

— Почему в порту была перестрелка? Откуда взялись люди с оружием? Здание принадлежит вам, док.

— У тебя мозг чешется выяснить? Да подавись, — Коди взял со стола еще одну сигару и принялся ее очинять. — Ты отлично поработал, прокурор. Накрыл все лаборатории в городе. Медаль хоть вручили за старания? Ага. Только вот таможня тебе не подчиняется. Смекаешь? Твоя власть не распространяется за границы империи. А мир большой, прокурор. Достаточно большой, чтобы найти место, где пристроиться.

— Зачем вы устроили перестрелку?

— Мы? Я ничего не устраивал, я сижу здесь и никого не трогаю, как видишь. Понятия не имею, что там произошло. Но ты же догадливый, должен сообразить сам.

— Груз ваш. И его пытались перехватить. Кто-то счел его достаточно жирной добычей, чтобы сунуться к вам.

— Достаточно большие деньги, чтобы рискнуть. До меня уже были желающие возить порошок. Партии именно так и теряли — какие-то осведомленные парни принимали их прямо во время разгрузки. Собственно, поэтому пришлось усилить охранные меры.

— Вы так спокойно об этом говорите? — удивился Виктор. — Вы только что признались в преступлении, доктор Коди.

— В чем я признался? — удивился друид. — Я просто беседую с вами в частном порядке. Кстати, а чего мне бояться, или кого? Всех свидетелей вы перестреляли, раз пришли ко мне, а не поволокли на допрос кого-то из парней. Выводы ты, конечно, сделал правильные. Говорю же, умный ты мальчик. Но не там свои способности применяешь. Ты чем-то похож на меня… Слишком талантлив для этой поганой Империи.

— Не сравнивайте меня с собой.

— Придет время, сам сравнишь. Повторюсь, мне нечего бояться. Лорды едят с моей руки. А такие борзые мальчики из охранки, как ты — уже давно закрывают на все глаза. И тебе ли не знать, что способствует их слепоте. Все те же деньги, прокурор. Все решают деньги, а не твои глупые принципы. И даже если тебе лично придет в голову дурная мысль вчинить мне обвинение, одно мое слово — и назавтра ты обнаружишь себя в тюрьме. Или свою жену — с разбитой бутылкой прямо в причинном месте.

— Я не женат, — Виктор поднял пистолет и выстрелил в голову Коди.

— Ты что творишь! — взревел Брайс, подбегая к обмякшему телу доктора, чтобы прощупать пульс.

— Это называется правосудие. И я только что его совершил.

— Ты меня подставил, — глаза капитана полыхали ненавистью.

— Вали все на меня. Возьмешь своих парней в свидетели. Это был мой приказ. Я имею полное право командовать в случае возникновения обстоятельств, угрожающих безопасности империи.

— Только если эти обстоятельства не будут признаны достаточно угрожающими…

— Я сяду, — буднично сообщил Виктор. — Или буду казнен.

— Зачем? Проникновение на чужую территорию тебе бы еще простили. Но убийство…

— Зверь показал зубы. А с бешеным зверьем переговоров не ведут. Его отстреливают.

— Ты не выберешься, — капитан понимал, что сейчас суровая правда будет лучше обнадеживающего вранья.

— Знаю, — Виктор сунул пистолет обратно в кобуру. — Я давал клятву — защищать закон даже ценой собственной жизни. И я хочу, чтобы эти подонки знали, что не каждую жизнь в департаменте можно купить грязными деньгами. Есть те, кто не продается.

— Сбавь пафос, Коннор. Мне, по-хорошему, сейчас следует тебя арестовать и отволочь в камеру до разбирательства.

— Вперед, — Виктор протянул руки.

— Успеешь. Меня тоже никто не пощадит. И хорошо, если мне светит просто отставка или каторга. Скорее всего, посидим недельку в одной камере, а потом под суд и за ручку на эшафот.

— Тебя не тронут. За все буду отвечать я.

— Сколько ты в прокуратуре, год? А я десять. Мне не рассказывай, — капитан помолчал. — Выметайся отсюда. Что ты там планировал, нажраться и оттрахать свою бабу? Вот и не мозоль глаза. Увидимся в тюрьме.

Триединая Империя, Альварские предгорья
Северная провинция Идо

Тасита наблюдала, как парни задорно лупят друг друга палками. Точнее, в ее тонких пальцах это было бы полноценное бревно, а для них — так, от души намять бока друг другу. Друиды сами были похожи на огромные деревья, высокие, лохматые и жилистые. Даже рослый друг Виктора был на голову ниже чистокровных, но, как показывал исход дружеского поединка, справлялись с ним исключительно вдвоем. Ну, или не то чтобы справлялись. Прилетало ему регулярно, но на ногах он стоял, даже смеялся и делал забавные пассы, похожие на балетные па. Троице бойцов было весело гонять и мутузить друг друга, еще паре сотен человек было столь же весело горланить в поддержку одной или другой стороны, заодно успевать передавать ушлым букмекерам деньги. На празднике урожая стихийный тотализатор на бойцов был разрешен.

А Тасите было невыносимо грустно. Она прекрасно понимала, на что согласилась. Как не понимать, если сама работаешь в охранке? И никогда не знаешь, какие у тебя планы на вечер. Сможешь ли пойти на бал и успеешь ли залечить очередной синяк, а то и просто встать с больничной койки. Работа в департаменте только выглядела романтичной, на самом

деле была самой настоящей каторгой.

Немудрено, что все удивлялись — как такая красивая девушка и без парня? Ну и что тут ответить? Соберешься на свидание, а тебя задержит срочный выезд, допрос, с которого нельзя просто так уйти вовремя, или вообще непонятно, сколько продлится выездная операция — да пока не закончится! Какой парень это выдержит? Разве только тот, кто сам работает в охранке и все понимает. Но и здесь была засада: понимающие знали, для каких целей Таситу использовали с завидной регулярностью, точнее, ее внешность и способности. И даже самый понимающий мужчина рано или поздно поставит вопрос ребром: или ты со мной, или на такой работе. Кому понравится знать, что твоя девушка сегодня спала с кем-то другим? Пускай это просто задание, и такие агенты в охранке тоже работают. Выполняют свой долг, приносят пользу империи, получают награды за блестяще проведенные операции. Благодаря этой работе в столице накрывают притоны, ловят контрабандистов, сажают взяточников. Все понимают, как это важно. Только встречаться с «имперской шлюхой» не хотят.

Пожалуй, коллега права. Стоило бы найти себе парня-друида, из числа «контактников». Они бы точно друг друга поняли — методы работы одинаковые. Только белобрысые ей совершенно не нравились. Разве что действительно перекрасить.

Садясь в самолет в сопровождении лорда Райвена, Тасита это особенно хорошо осознавала. Эмпатическим чутьем она прекрасно видела, насколько в друге Виктора сильна друидская составляющая, отвечающая за притягательность и очарование. Тасите он как мужчина не нравился. И она внутренне сжималась, ожидая, что лорд отнесется к ней как к… да как к симпатичной игрушке, которую друг ему одолжил «напрокат», пока сам занят. Продумывала слова, которыми припечатает его, чтобы даже смотреть не смел. И тут же с ужасом думала, что если он захочет — слова застрянут у нее в горле. Такие, как он, возражений не принимали. Они просто брали то, что хотели. Даже формальное отсутствие дара не лишает таких людей способности очаровывать и не встречать сопротивления.

К вящему своему удивлению, Тасита обнаружила, что лорд Райвен совершенно не собирался с ней заигрывать. Наоборот, вел себя совсем не так, как она ожидала, наслушавшись рассказов о его язвительности, плохих манерах и беспардонности по отношению к дамам.

Всю дорогу он задумчиво молчал, изображая предельную вежливость без намека на шутки и, тем более, пошлости. Иногда принимал грозный вид, от которого моментально терялись все

желающие подкатить к Тасите, задать ей неуместный вопрос или, паче чаяния, обидеть. Он не навязывал свою компанию, но все время был рядом. И даже сейчас, забавляясь на ристалище, нет-нет, да бросал на нее дежурные взгляды, будто проверяя — все ли хорошо.

На самом деле было плохо, но Тасита умело улыбалась, актерские способности были частью ее привычной работы. Райвен не был эмпатом, это она тоже выяснила. Поэтому обманывать его было легко. И он за нее больше не тревожился, позволив себе развлекаться.

Сейчас в душе девушки скреблась обида: что стоило Виктору отменить свое дежурство и поехать вместе со всеми, а не являться к середине праздника? И появится ли он вообще? С него станется придумать хороший повод остаться в Джалане, если о своем спонтанном приглашении он уже пожалел. Или кто-нибудь успел с ним пошептаться, высказаться на тему того, с кем он связался.

Стоя в толпе друидов, высокородных лордов и таких же приглашенных, наблюдая за тем, как доверенное лицо Виктора с детской непосредственностью кувыркается на поляне, забавляясь полутораметровым бревном, Тасита ощущала совсем не то, к чему была морально готова.

Разум уверял: ты знала, на что соглашаешься. Веселись, пей, он скоро приедет, и у вас будет целых два дня! Но дар интуита упорно не соглашался. И откуда взялось это упрямое отрицание, Тасита понять не могла. Виктор не мог передумать, он не бросался обещаниями. Уже почти три…

На плечо легла тяжелая мужская рука.

— Доброй ночи, — голос Виктора прозвучал глухо и устало.

— Доброй, — Тасита положила свою ладонь на его пальцы. — Вообще-то не стоит вот так подходить сзади. У меня же реакция автоматическая.

— С-с меня, пожалуй, хватит… повреждений.

Тасита повернулась. Левая рука прокурора Коннора покоилась в фиксаторе.

— Насколько серьезно?

— Царапина.

— Вылечи, я подожду. У нас с тобой еще два дня впереди.

— Н-не уверен, — покачал головой Виктор и скрылся в толпе. «Царапину» любая опытная друида из числа контактных залатает за десять минут. Только сердце Таситы пропустило удар. Она поняла, почему интуиция так настойчиво спорила с разумом. Что-то пошло не так.

Триединая Империя, Альварские предгорья

Северная долина Идо

Сафира очнулась с ощущением жуткой головной боли. Спине было жестко, левая нога замерзла. Беглый осмотр объяснил эту загадку: босая ступня торчала из-под двух плащей и всем своим плачевным видом показывала, что дело плохо. Грязь, огромная ссадина и синяк на лодыжке.

«А ботинки где? И где вообще я?» Мысли в голове напоминали гречневую размазню. Месиво из неопознанных воспоминаний, тошноты и боли. «Как после аппендицита в Русаковской больнице очнулась. Только это не больница. Да что, черт подери, произошло? Ну, память, просыпайся уже, что ты как тухлый прошлогодний зомби?

Ботинки обнаружились рядом, просто их кто-то с нее снял. Почему болит рука, тоже вспомнила. Это чей-то череп оказался несколько крепче, нежели хотелось. Нога. За нее схватил второй, который уже распластался живописно на земле в импровизированной таверне… Какой, нафиг, таверне?».

Воспоминания нехотя возвращались одно за другим. Праздник урожая. Шатер а-ля шапито, название еще такое смешное, «Три топора». Разнузданные танцы на сдвинутых друг к другу столах. Драка.

Нападавшие — два пьяных урода, которым взбрела в голову шальная мысль попристава́ть к хрупкой девушке. У девушки же не написано на лбу «лучший боец в классе» и «Арина гоняет до седьмого пота из-за таких, как вы». Перепившие варуньи добры молодцы решили, что, раз дама несколько подшофе, тем более, азартно выплясывает на импровизированной сцене под знакомую музыку, напоминавшую кельтскую чечетку, то значит, и другими увеселениями не побрезгует. А коли и побрезгует — кто ее спрашивать будет? Пришлось доступным способом объяснить разницу между танцами и личными предпочтениями. А через пару минут компашку аккуратно нейтрализовал патруль — охраны на празднике было более чем достаточно.

А потом вечер и вовсе не заладился. Лейлу найти не удалось, Киарана и Арину тоже, в общем, ни одного знакомого лица!

Финальную точку в генерации плохого настроения создало то, что Сафира обнаружила «особую зону», ощетинившуюся деревянным забором. Богаче декорированную, с настоящей сценой, а не наскоро сколоченными подмостками, и с каким-то чужим весельем, на которое можно было посмотреть только через ограду. И на цыпочки встать, чтобы разглядеть хоть что-нибудь. Но внутрь заходить не дозволялось.

«Зона для аристократии, туда нельзя», — скупо объяснил

охранник.

И, что называется, «я девушка самостоятельная, сама придумала, сама обиделась». Сафира решила, что с нее хватит и танцев, и вкусностей, которые здесь раздавали и наливали всем желающим, и вообще, пора уже спать.

Тут обнаружилась еще одна проблема: на огромной территории долины сориентироваться мог только местный, но никак не человек, который первый раз в жизни приехал погулять. Везде палатки, подмостки, поляны, одинаковые толпы народа, одинаковые ярмарки — все одинаковое. Как найти «свою» палатку? Где она вообще, в какой стороне? Вот ведь, даже не подумала об этом!

Единственный ориентир, который Сафира смогла вспомнить, это река и большая коряга на берегу. От той коряги — пара минут по прямой, точно.

С этой мыслью девушка решила пробираться сквозь небольшой подлесок к берегу, а там уже, наверное, проще будет сообразить, куда идти.

И что за невезение? Варунья так действует или друидские эманации? У всех просыпается массовая жажда приключений и секса с незнакомками! Еще одна троица гуляк, вынырнув из глубин подлеска, направилась наперерез бредущей по подлеску девушке.

*****

Юм уже давно следил за ними. Один из троицы — жаждущий. Активизировался, сукин сын. Эманации были настолько однозначными, что оставалось просто терпеливо дождаться. И каратель ждал. Его превосходно обучили этому искусству. Еще двое — просто искатели развлечений. Жертву они высматривали долго, старательно. Были искренне уверены, что за ограждениями, возле реки, их не достанут. Ведь все знают, что зона праздника охраняется только по периметру, но не за ним. Ну-ну, наивные глупые люди, вы всегда уверены, что наказание не воспоследует. Только карателей создавала не империя, их создавал тот, кто и человеком не был. И потому не пытался врать самому себе, отрицая истинные масштабы людской глупости, наглости и самонадеянности.

Теперь трое гнали одного, точнее, одну. Играли в охотников, которые неспешно, со вкусом травят беззащитную дичь. Юм продолжал смотреть — вмешиваться было рано.

Девушка, высокая, растрепанная, уставшая. Она еле держалась на ногах. Ее разумом владела паника, которая

выжигала мысли, превращала их в пепел и развеивала по ветру. Это был даже не страх, не ужас — обреченность. Помощи ждать неоткуда.

Она добежала до небольшой, тускло освещаемой лунным светом поляны и остановилась. И тут все изменилось.

Юм даже на секунду завис, переоценивая ситуацию. В глазах у жертвы появилась злая, отчаянная решительность. Несокрушимая воля — та, которая воспитывается жизнью, годами, и сшибает все преграды, помогает идти, несмотря на все потери, как бы горьки они не были. Ужас неохотно отступил, оставив вместо себя холодную ненависть.

«Какое забавное сочетание», — подумал Юм и добавил мысленно, — «Еще забавнее быть карателем, сохранившим собственные чувства, а не только способность читать чужие».

Он в три прыжка преодолел почти все расстояние, отделявшее его от троицы «охотников». Те стояли спиной, а девушка была слишком сконцентрирована на своих врагах, чтобы заметить на поляне еще одного гостя.

Жаждущий начал медленно, но очень уверенно приближаться к жертве. Его разум излучал превосходство, злорадство, предвкушение и возбуждение. Еще двое нетерпеливо перетаптывались, ожидая своей очереди и поглядывая по сторонам.

«Ну все, преступление в стадии совершения».

Еще одним прыжком каратель преодолел финальные метры.

Девушка успела заметить только размытую тень, швырнувшую двоих «караульщиков» друг к другу. Черепушки встретились с чудовищной силой и взорвались кровавыми фонтанами. Третий не успел даже оглянуться. Черный монстр взметнул руку и вонзил пальцы в спину наглеца. Через секунду окровавленная ладонь уже сжимала вырванное из тела сердце.

Юм ждал чего угодно, но не того, что увидел. Девушка смотрела ему в глаза. Не мигая. И она его оценивала. Бесстрастно. Так, как оценивают работу охотничьей собаки, приволокшей хозяину подстреленную утку. В этих глазах плескался океан горящего мрака, время от времени вспыхивающий багровыми искрами.

А затем все кончилось, радужки снова стали нормальными человеческими, девица издала невнятный всхлип, явно содержавший признаки альварского ругательства, и тьма беспамятства поглотила ее измученное сознание.

*****

— Просыпайся, иди сюда, — Юм даже не повернулся в ее сторону. Он прекрасно ощущал все, что спасенная дама сейчас подумала. Точнее, судя по эманации, вспомнила и восстановила поэпизодно.

— Скорее, ползи. Нога.

— Ты ее подвернула, когда упала. Я осмотрел, перелома нет. Ссадину обработал, заражения не будет. Но поболит. Я не друид, чтобы сразу вылечить.

Сафира покосилась на своего спасителя и вместе с плащами подобралась поближе. Разум проснулся окончательно и подсказал, что послужило причиной пробуждения. Костер, от которого доносился аппетитный запах жареного мяса.

Кто жарил? И стоило бы спросить, что он тут готовил вообще. Кто этот человек? А человек ли? Глаза и не друидские, и не альварские. Черные, колючие, внимательные. И теперь в них нет того свечения и ужасающего мрака, который увиделся во время… расправы. Ну не могло же померещиться? Или могло? А черт его знает, в паническом состоянии что угодно померещится.

Мужик пошевелил над костром импровизированный мини-вертел, на который была нанизана тушка неопознанной мелкой зверушки. И руки у него были уже абсолютно чистые.

— Есть будешь? — поинтересовался спаситель.

— А ты?

— Я уже.

Устроившись у костра, Сафира принялась за дичь со скоростью оголодавшего волка, хотя, казалось бы, совсем недавно ела на празднике. А теперь старалась хотя бы не взрыкивать от удовольствия. Юм не стал объяснять ей этот феномен. Но поговорить захотел.

— Если прогулка по ночному лесу в одиночку — это такой экзотический способ самоубийства, то я, кажется, помешал?

— В мои планы скоропостижная смерть не входила. В том числе, от последствий изнасилования.

— Радует. Хотя бы не придется сдавать тебя на излечение. Меня зовут Юм.

— Сафира, — ей продолжать разговор не хотелось. Она начала понимать, с кем свела ее судьба. В голове вспыхнуло новое воспоминание. Снова профессор Гиллан и его лекции об устройстве мира под названием Айена:

«Имперские каратели, отряд особого назначения в гвардии его величества. Искусственно созданы для борьбы с агрессией и особо тяжкими преступлениями. Занимаются ментальным поиском и физической ликвидацией преступников. Обычно

в спецотряд набирают черных альвов, способных долго находиться вдали от гор. Реже — людей. Карателя подвергаются специальной генной модификации, после которой получают исключительные способности. Правда, долго после этого не живут.

Вместо имен у них короткие позывные. Они скрытные, агрессивные, даже страшные, и я не советую вам попадаться им на глаза без особой необходимости. Ходят слухи, что они способны вырвать преступнику сердце голой рукой».

Как выяснилось, никакие это не слухи. Но увиденное вживую почему-то не пугало и аппетита не отбивало. Парадокс.

Юм разглядывал греющуюся возле костра девицу. Высокая, рыжая, почти тощая. Она вроде была человеком, но неуловимо отличалась от обычных людей. Причем не только внешне, но и внутренне. И это отличие он разглядел только в тот момент, когда в ней что-то… переключилось. Да, когда она была на поляне и внезапно, за одну секунду изменилась. Только что трусливо дрожала от мысли, что сейчас ее посконно разложат прямо на земле, и вдруг…

Юм, наконец, понял, что именно он увидел. Усмехнулся, пошевелил костер и прикрыл глаза. Если он прав, то хозяин будет доволен. Но для начала нужно убедиться.

Девушка молчала, но когда от опытного карателя можно было скрыть свои нехитрые секреты? Впрочем, всему свое время, спешить некуда. Трупы не воскреснут и не убегут, до утра даже не завоняют. Дама наелась и снова поклевывает носом. Еще полчаса — и можно будет спокойно начать ментальное сканирование, не вызвав у нее сопротивления и новой панической атаки.

Юм умел ждать. И дождался. Когда ее сознание снова отключилось, он принялся неспешно работать. Хозяин был прав, эти неучи обленились и все забыли.

Он рассматривал линии дара: они были даже не тусклыми, едва заметными. Судя по всему, они только что активировались и начали прорастать, как из крохотного семечка слабый росток. Который через годы превратится в могучее дерево. Если правильно удобрять.

Каратель удовлетворенно, нежно водил руками по ее лицу, волосам, плечам. Он восхищался, и самое большое удовольствие испытывал от собственных ощущений, от мысли, что он вообще способен что-то ощущать, а не только действовать по заложенной однажды программе, не думая, не анализируя.

Он помнил, что когда-то был человеком. И женщин тоже любил. Сейчас он уже был не способен. Ни на любовь, ни на… все

остальное. Генетические изменения, позволяющие создать самую беспощадную силу империи, требовали жертв.

Юму повезло. Его «недоделали», он был «браком», который по бумагам списали в расход. И давно подозревал, что хозяин поступил так неспроста. Но сейчас ему хотелось думать не об этом. Каратель торжествовал: он нашел то, о чем просил хозяин. Она настоящая! Сотни тончайших нитей, которые тянулись ко всем органам и тканям, опутывали их пока еще слабыми сетями, заполоняли, врастали, становясь единым целым с этим спящим организмом.

Юм выудил из-под куртки телефон. И сам же рассмеялся: «В какое чудное время мы живем! Пользуемся Искусством везде, где его можно применить, но звонить предпочитаем по обычному мобильному телефону. Однако!»

— Юм? — голос хозяина был еле слышен за грохотом и шумом.

— Я нашел, — коротко доложил каратель.

— Нашел что?

— То, что вы просили. Темный дар.

— Закрыть от всех! — каркнул голос. — Охранять! На шаг не отходить, пока я не прибуду! Кого нашел?

— Женщина. Полукровка.

— Тип дара?

— Двойной. Судя по всему, только что активирован. Стресс-фактором или чем-то еще, не знаю. Наблюдаю фазу первичного роста.

— Буду через час. Скрой ее. Я позвоню, скажу, куда прийти.

Триединая Империя, Альварские предгорья
Северная провинция Идо

Патриарх Ким восседал на массивном резном троне и с небольшой высоты помоста осматривал празднование. Высокородные гуляли так, как будто завтра война и голод. Жадно, ненасытно, буйно. Чувства он испытывал сложные: ему нравилось, что люди беззаботны, богаты настолько, что готовы бросить все свои дела и многотысячной толпой приехать в долину. Нравилось видеть женщин в драгоценностях, мужчин в богатых нарядах. Беспечность, праздность, разгул.

А не реки крови, грязи и отбросов, которые когда-то текли вдоль этих берегов.

Когда-то давно Идо называли долиной Смерти. И никто уже не вспомнит, почему именно здесь было решено праздновать главное торжество года.

Идо был последним рубежом Предгорья, который нельзя было отдавать врагу. Здесь, у подножья гор, случилось последнее сражение, переломившее судьбу будущей империи. И именно здесь, в этой долине, впервые встретились за грубо сколоченным деревянным столом еще не император, а капитан Тагир; еще не патриарх, а просто верховный друид Ким; и не магистр, а простой доктор Люциус, еще не имевший звучной фамилии и статуса высокого лорда. Не было никаких лордов. Были уставшие, измученные войной, но не сломленные люди, которые выжили. Победили. Научились побеждать.

Какое это по счету поколение? Людей, не подвергшихся жестоким экспериментам, изменявшим тело и сознание. Людей, которые живут всего семьдесят, ну максимум сто лет. И уже не помнят истории, не знают слово «война», не умеют держать в руках оружие. Они сытые, пьяные, довольные жизнью. Выросшие в построенном для них уютном мире.

Киму нравилось смотреть на них. И ему было страшно, что никто из них не знает, как сражаться. Никто не верит, что однажды придется это делать. Не шутки ради замахиваться палкой, как эти парни на поляне. Не колоть противника затупленной дуэльной шпагой до первой царапины, как двое аристократиков, не поделившие девку. А насмерть. Не размышляя. Не красуясь. Чтобы выжить.

Ким был друидом, его инстинкты сопротивлялись насилию и убийствам. Именно он настоял на запрете огнестрельного оружия в империи. А теперь начал сомневаться, правильно ли поступил. И хватит ли того, что Военная академия стараниями друидской общины регулярно получала не одаренных Искусством подростков?

— У тебя такое лицо, как будто ты совсем не рад меня видеть! — скрипучий голос заставил патриарха вздрогнуть от неожиданности.

Киму потребовалось полсекунды, чтобы осознать: на помосте охрана, никто не допустит к нему абы кого. Здесь все свои.

— Люциус! — патриарх встал во весь свой гигантский рост, чтобы обнять друга, и сам же рассмеялся — де Зирт доставал ему до пояса. Что не помешало друиду наклониться и все-таки заключить в объятья того, кого он и не ждал здесь увидеть. — Ты же сказал, что не приедешь.

— Решил тебя не огорчать. Иногда полезно вспоминать старых друзей, Ким.

Друид жестом приказал охране поднести еще один стул.

— Я должен извиниться, Люс. Ты был прав, когда сказал, что те люди нам пригодятся.

— А сколько было сомнений! Сколько воплей было «ой, мы это не потянем, император повесит все расходы на общину!» Ну и? Я тебе что сказал? Сейчас добычу минеральных ресурсов полностью контролируют альвы, но на вашей земле есть полезные залежи. Я их видел своими глазами. Плюс тебе стоит поковыряться в Северной автономии, я как раз оттуда. Разведка обнадеживающая, там больше чем достаточно золота, самоцветов и топлива.

— Ого!

— Вот тебе и «ого». Как люди, освоились?

— Освоились и уже, как ты сказал, ковыряются. Мы купили две заброшенные шахты. Говорю же, ты был прав. Их инженерные технологии действительно оказались другими. Мы работаем, не нарушая экосистемы. Леса не тронуты, ископаемые добываются горизонтальным методом. И еще, Люс, теперь у нас есть работа для тех, кто родился без способностей к друидскому

Искусству. Им больше не нужно покидать общину.

— Радует, — кивнул де Зирт.

— Я проверил отчеты, проект окупился полностью. Сейчас мы в плюсе на восемнадцать процентов. И как минимум в ближайшие десять лет это будет неуклонно растущий доход.

— Поздравляю, — альв принял поданную ему кружку с варуньей. — Но хочу тебе напомнить: дело не в деньгах, хотя без них никуда. Искусство уже уступает технологиям, и тебе это пора признать. Все, за что раньше платили нам, обесценивается. Становится пережитком прошлого на фоне современности. Раньше вылечить болезнь мог только целитель, а сейчас это может сделать обычный фармацевт, продав горсть таблеток. Мы можем отрицать неизбежность развития цивилизации, закрыться в общинах, в горах, жить по старинке. Или можем приспосабливаться к миру. Предвосхищать его путь и прокладывать свой. Наше процветание зависит от своевременности выбора.

— Люс, давай лучше выпьем. Лекции читай своим студентам, я уже старый пень.

— У нас с тобой все шансы пережить еще половину всех этих, — магистр указал кружкой на молодежь.

Ким хотел ответить, но не успел.

— Доброй ночи, патриарх, вы хотели меня видеть, — слева на помосте объявился Виктор. — Доброй ночи, магистр.

— Наконец-то, явился, — проворчал друид. — А то вечно занят, вечно не до родственников. Ты даже девушку свою бросил тут одну, паршивец. Зови ее сюда, что за безобразие, даже не познакомил.

Виктор появился через пару минут уже со своей дамой. Тасита любезно поприветствовала высших и тут же забилась под руку прокурору. Ее испугал внимательный взгляд альварского магистра и то, что он вдруг придвинулся чуть ближе, чем дозволял этикет, и втянул ноздрями воздух.

Виктор рефлекторно обнял девушку сильнее и встал так, чтобы прикрыть ее. Де Зирт ухмыльнулся. Ким, глядя на эту мизансцену, не понял ничего, кроме того, что здесь происходит какой-то тайный обмен невербальными сообщениями, и ему, похоже, ничего не расскажут. Виктор вообще в последнее время стал крайне немногословным. И дерзким. Пожалуй, что даже слишком злым. А ведь не был таким. Не был…

Погрузившись всего на пару минут в свои мысли о нравах современной молодежи, Ким упустил нить беседы, которую де Зирт уже увлеченно вел с прокурором.

— …Зря вы так, — покачал головой Виктор. — Далеко не все.

В стране есть достаточно молодых кадров, но их или не слышат, или не воспринимают всерьез. И экономический гений тоже есть, я с ним даже лично знаком, — Виктор показал на Гаральда, который уже изображал то ли лошадь, то ли боевого слона, и на его спине с визгом и восторгом катались двое детей. «Лошадь» взбрыкнула — и хохочущая детвора кубарем покатилась в траву, чтобы снова метнуться к своему транспорту.

— Кто, вот этот что ли? — с недоверием посмотрел Ким. — Шут гороховый.

— Привычка судить по внешности может подвести, — недобро заметил Виктор. — Многие склонны считать, что ум — это, в первую очередь, солидный возраст и примерное поведение. Или человек, разбирающийся в экономике, должен выглядеть, как унылый гриб, который питается бумагой?

— Мне сложно поверить, что какой-то мальчишка, который тут час гонял дубьем моих парней, может что-то понимать в финансах, — проворчал Ким.

— Лорд Райвен — автор налоговой реформы, — Виктор начал злиться. — Патент на ремесло — его единоличная инициатива, и он же куратор проекта.

— Я думал, это старший, — вклинился в разговор де Зирт.

— Старший уже давно умер. Из прямых представителей семьи остались только Гаральд и его приемная мать, Корнелия Райвен.

— Он приемный? — удивился Ким.

— Еще одна ошибка, — занудно продолжил Виктор. — Полагать, что способности передаются исключительно по наследству. Я тоже приемный в семье Коннор. И я не сторонник теории наследственности, когда речь идет не об Искусстве, основанном на генетике. Интеллект воспитывается, образование может получить любой, у кого есть достаточно мотивации и денег. Плюс вы оцениваете поведение человека, который находится на празднике, а не на работе.

— А ведь он полукровка, но я его не помню, — нахмурился Ким.

— Конечно, — Виктор усмехнулся. — Он не одарен. Что ему делать в общине? Отдали на воспитание в хорошую семью и забыли. Как видите, зря.

— Зато не зря отдали! — парировал де Зирт. — В подобных решениях, юноша, есть высший смысл. Неодаренные полукровки в общине будут чувствовать себя ущербными. А среди людей, в богатой приемной семье, могут получить упомянутое вами прекрасное образование и сделать карьеру. Налоговую реформу, например, провести. Если теперь это не просто бездарный полукровка, а высший лорд с правом голоса в совете.

— Пожалуй, вы правы, магистр. Я погорячился с выводами, — склонил голову Виктор.

Тасита посмотрела на него с нескрываемым изумлением, а где-то в глубине души испытывала горькую обиду. И где вся эта немногословность? То есть, когда надо, Виктор прекрасно умел открывать рот и произносить вдохновенные речи. Но только не с ней. С ней он вообще предпочитал или молчать, или объясняться эпистолярным жанром. Это вызывало непонимание.

— Действительно, познакомь меня со своим другом, будь любезен, — де Зирт протянул руку к Тасите. — Госпожа не против составить компанию двум старикам?

Девушка вздрогнула от этой перспективы, но подчинилась. Магистр вцепился жесткими пальцами в ее ладонь и притянул поближе к себе.

— Вы очень красивы, знаете об этом? И вы подходите Виктору. Уж простите за прямолинейность, в моем возрасте позволено быть немного чудаком.

*****

Лорд Райвен явился на помост в таком виде, что Кима слегка встряхнуло. Синяк под глазом, несколько заметных ушибов, пара серьезных ссадин и незастегнутая рубашка. Правила этикета были явно написаны не для него. Или он считал их ненужными? Патриарх только открыл рот, чтобы высказать все, что думает о приличествующем виде, но не успел.

— Лорд Райвен, — де Зирт додумался забраться на кресло с ногами и теперь смотрел своему собеседнику в глаза, — ваша любовь к боевым искусствам, которую я краем глаза успел оценить, как-то связана с работой в сфере экономики?

— Напрямую, лорд де Зирт.

— Почту за честь, если вы удовлетворите мое любопытство, — магистра несказанно удивило, что его быстро узнали. Он давно не появлялся в столице, не посещал советы, и какой-то расхристанный мальчишка, если и знал в теории о существовании незримого альварского лорда, уж точно не мог бы опознать его. Но узнал. Пожалуй, это еще занятней, чем виделось.

— Вы знакомы с принципами работы головного мозга? — Гаральд тем временем догадался застегнуться. И магистр с удовольствием отметил для себя этот жест: молодой человек перестал паясничать и начал воспринимать собеседника чуть более серьезно.

— Я возглавляю частные исследовательские лаборатории.

— Отлично! Тогда вы точно поймете то, что всем остальным несколько невдомек. Умственная работа напрямую зависит от кровоснабжения головного мозга. А физические упражнения — лучшее, что придумано для этой цели.

— Моторная практика как фактор развития скорости нейронных реакций, — тут же подхватил мысль де Зирт. — И как следствие, ускорение когнитивных процессов, я вас правильно понял?

— Мне несказанно льстит общение с умным и образованным собеседником, — изящно поклонился лорд Райвен, чем уже в третий раз удивил магистра: при своих неаристократических габаритах он двигался исключительно легко. — В наше время интеллект — большая редкость. Я со своей стороны почту за честь продолжить наше знакомство, лорд де Зирт. Но разрешите откланяться, я сегодня пьян и не настроен на долгие и, тем более, серьезные беседы.

— Конечно, лорд Райвен, — магистр опустился в кресло и сел, как полагается. — Это я совсем забылся. Буду рад видеть вас снова.

— Взаимно. Лорды? Патриарх, — Гаральд церемонно поклонился, изящно спрыгнул с помоста и врезался в толпу ожидавшей его молодежи, чтобы продолжить куражиться.

— Виктор? — магистр строго посмотрел на прокурора. — И ты скрывал от меня это чудо?

— Я не скрывал. Вы не спрашивали. С вашего позволения, мы тоже откланяемся.

Не дожидаясь никаких позволений, Виктор притянул к себе Таситу и растворился вместе с ней в толпе празднующих.

— И мне пора, — магистр взял со столика свою кружку и одним махом допил варунью. — Ух, удалась в этом году!

— Ты-то куда? — удивился Ким.

— А мне что, девок потискать нельзя? Я, может, и старик, но не настолько ж!

— Изобрел лекарство для вечной молодости? — поддел патриарх.

— Может, и не для молодости, но что надо, то работает!

*****

Де Зирт с озабоченным видом зашел в палатку мобильного медпункта. Дежурный врач оказался человеком, он сидел на неудобной табуретке, держа в руках потрепанную книжку. На лоб был водружен диодный фонарик.

«Изобретательно», — оценил магистр.

— Там, похоже, опять перепой, просили позвать доктора!

— А сюда почему не принесли?

— Здоровый больно, не донесут. Сами еле на ногах держатся. Возле второй сцены.

Доктор явно не хотел отрываться от чтения, этот процесс был интересней, чем необходимость куда-то брести по темноте, пробираясь сквозь толпы гуляющих людей. Но сказать это напрямую злобному альву он побоялся. Де Зирт заметил, что доктор с каким-то особым выражением лица глянул на халат, лежащий прямо на кушетке.

«Ну да, ну да», — не далее как десять минут назад стараниями магистра напарник дежурного был соблазнен пойти «сделать пару глоточков». И любитель чтения теперь сомневался, нужно ли уходить, бросая нехитрое оборудование пункта? Его глодали сомнения. Но альв смотрел на него так, как будто ждал помощи для лучшего друга, попавшего в смертельную беду. Чтиво пришлось отложить.

— Еще раз, где?

— Возле второй сцены. Лежит прямо слева, я боюсь, как бы не захлебнулся… ну вы понимаете. Проводить не смогу, ноги уже гудят, старость не радость.

Охая и прихрамывая, де Зирт вышел из палатки и демонстративно уселся прямо под деревом, делая вид, что отдыхает.

Едва дежурный скрылся, магистр вернулся в медпункт, надел белый халат и вынул из широкого рукава телефон.

— Палатка шестого медпункта. Неси сюда, быстро.

*****

Юм сгрузил девушку на кушетку. Де Зирт хищно склонился и начал осматривать, обнюхивать, водить пальцами.

— Нет никакого доверия системе! Она же из этих, из… пришлых? Одежда у нее точно не местная.

— Она из пришлых, — подтвердил Юм. — Я смотрел.

— И ты сказал, она полукровка? Сам вижу, не ослеп еще от старости. Кааак? Вот скажи мне, как они смотрели? В отчете написано — две тысячи восемь человек. Генетический статус не проверяли? Конечно, не проверяли. Идиоты. Хотя нет, это к лучшему. Иногда слепота и ошибочность мышления бывают полезны. Если бы ее проверяли, как надо…

— Я бы не успел, — прогудел Юм.

— Ты бы с ней даже не встретился. Ее бы начали сканировать на наличие дара куда более тщательно. Рассказывай, что ты про

нее узнал.

*****

Сафира не сразу поняла, где находится. Кажется, это уже стало входить в нормальную такую, хроническую привычку — засыпать в одном месте, просыпаться в другом, долго ориентироваться, что вокруг, кто рядом и какого черта происходит. На этот раз ее окружали стены белой палатки, запахи лекарств и пара знакомых медицинских атрибутов вроде стетоскопа и нескольких стеллажей со склянками.

— Очнулись, госпожа? — заботливым тоном спросил невысокий альв в белом халате. — Вас принес охранник. Сказал, что вы потеряли сознание.

— Ээээ…

— Не вставайте, пожалуйста. Минут десять еще полежите. Вы не беременны?

— Нет! — Сафиру этот вопрос уже злил. Тем более, она была однозначно уверена, учитывая, что «доказательства» прошли пару дней назад.

— Переутомление, значит? Или слишком много выпивки?

— И то, и другое. Только это был не охранник, это был каратель.

— Вы его так испугались? Не надо, они не причинят вам вреда, если вы не задумали нечто… совсем уж плохое. Например, убить кого-нибудь. Ну изнасиловать не знаю, получится ли у вас. Карателей, конечно, существа опасные, и кажутся непредсказуемыми. Особенно, когда работают. Вот идет себе человек, идет. Никого не трогает. И вдруг это черное чудовище из-за угла выпрыгивает — бам! И все, вместо человека труп!

— Брр! — Сафира дернулась, слишком свежи были воспоминания о том, что произошло в лесу.

— Вы стали свидетелем кары? — участливо поинтересовался альв, осторожно беря девушку за руку. — Сочувствую. Зрелище не из приятных. Но поверьте, исключительно ради вашей безопасности. Каратели предотвращают преступления на стадии совершения. Если бы не он…

— Я знаю. Можно не продолжать? Простите, что перебила.

— Ничего, все нормально. У вас стресс, не до контроля эмоций. Но все позади, вы живы, здоровы. Как видите, в относительной безопасности. Насколько ее вообще можно обеспечить в здешних местах. Впредь я бы рекомендовал вам быть осторожнее, предгорье — не лучшая территория для молодых девушек. Что вы так смотрите? Недавно здесь?

— Ну да…

— Простите за бестактность, вы из… новеньких?

— Ага, — Сафире стало неловко в этом признаваться.

— А я здесь живу уже пятьдесят лет. Работаю в больнице. Сказать, сколько я тут насмотрелся всякого? В горах живут те, кому нечего терять. Сюда же ссылают каторжников, и иногда они умудряются убегать. Пока поймают, они успевают наворотить всякого.

— А как же каратели?

— Где, здесь? — презрительно скривился альв. — В этой глуши? Карателей слишком сложно производить. Нужны особые… данные. Их остается все меньше, поэтому они сосредоточены только в столице, поближе к императору и высшим лордам. А сейчас тут толкутся, чтобы охранять аристократию. На празднике почти все семейства. Так что вам, можно сказать, повезло. В следующий раз будьте осторожнее.

— Мне закрыться дома, вооружиться кухонным ножом и повесить табличку «я злая собака»?

— Можно и так. Травяной отвар будете? — альв открутил крышку большого термоса и сунул туда нос.

— Не откажусь, — Сафира приняла деревянную чашку.

— Вы бы это… в столицу-то и ехали. Там сейчас безопаснее всего. Есть к кому?

— Нет. У меня там никого нет.

— Тогда поступайте в академию, на казенный кошт. Вы молодая, зацепитесь, пробьетесь.

— Куда я там поступлю, кому я там нужна? — Сафире хотелось расплакаться от обиды. — В Имперскую? Ума не хватит. В Военную? Не люблю, когда мной командуют.

— А чем вы занимаетесь, можно полюбопытствовать?

— Ну танцами, — Сафира не могла взять в толк, почему она так откровенничает с совершенно незнакомым… альвом. Но внезапно захотелось выговориться, просто побеседовать с тем, с кем она уже никогда не увидится. Другой город, другой круг общения. Они встретились первый и последний раз.

«Синдром попутчика это называется», — сама себе подсказала девушка.

— Так и поступайте в Академию искусств.

— Не смешно. Я хотела, но там конкурс, и я программу не знаю для поступления.

— Необязательно идти по конкурсу. У меня один из внуков туда поступил по воле народного выбора. Вы не знаете, что это такое?

— Нет, — Сафира округлила глаза.

— По крайней мере, вам стоит попробовать. Я своему тоже говорил — попробуй, вдруг получится? А у него и получилось, теперь уже на втором курсе учится, через год выпускной!

— Что такое народный выбор?

— Тоже конкурс, но отдельный. Когда приезжают молодые люди, у которых есть талант, но нет, как вы сказали, программы. Он мне тоже что-то такое говорил, что в нашей глуши подготовки нет. Вот они там выступают перед зрителями, их показывают по телевизору, а потом все голосуют, и лучших берут в Академию, за казенный счет. Но если и не выйдет, работу в столице легко найдете. Танцы — не позорная профессия, в Джалане очень востребованная. В общем, не пропадете и так, и эдак.

— Звучит обнадеживающе, — Сафира допила чай и поставила кружку на кушетку.

— Во всяком случае, надежд больше, чем в этой дыре. Я всем своим внукам так и говорю — езжайте в Джалан, нечего тут засиживаться. Младшая моя недавно замуж вышла, тоже за столичного! — альв со вздохом достал из-под плаща крохотный кожаный мешочек на веревочке и выудил из него синее крапчатое кольцо. — Вот. Я сам когда-то ей мастерил, на удачу. Она с ним и поехала. Говорит, действительно помогало. А теперь уже обручальное золото носит, красииивое!

— Это тоже красивое, — похвалила Сафира. Альв протянул ей поделку, видимо, чтобы похвастаться своим умением вытачивать из камня. И кольцо оказалось действительно хорошо: камень казался простеньким, неприметным, но даже в полумраке палатки были заметны удивительные узоры на его поверхности.

— Ну и берите себе. На удачу. Носите только, не снимая. Берите-берите. Мне уже некому его передавать, всех пристроил. Выйдете замуж — вернете.

— Куда верну? — опешила Сафира.

— Сюда же, в Идо. Городская больница, она тут одна. Я доктор Люс. Если жив еще буду, привезете. А нет, так дочке подарите. Не смотрите на меня так, мы альвы, для нас горы — это часть души. И мы — часть гор.

Сафира не раз слышала об альварских амулетах, которые изготавливали вручную. Слышала об их удивительных свойствах и о том, что их нельзя украсть или отнять, только по доброй воле продать или подарить от души. И сейчас ее интуиция подсказывала: этот подарок стоит принять. Каким бы странным ни казался жест незнакомца. В конце концов, терять ей было нечего.

*****

Виктор проснулся от того, что настойчивые солнечные лучи лезли в глаза. Просыпаться не хотелось совершенно. Тасита лежала рядом, расслабленная, согретая его объятьями.

«Откуда в закрытой палатке свет?»

Сощурившись против солнца, Виктор сфокусировал взгляд и понял, откуда. Вход был открыт, на пороге стояли двое в форме внутренней безопасности департамента.

«Быстро сработали», — подумал Виктор и принялся одеваться. Его не торопили. Пользуясь этой возможностью, он неспешно привел себя в порядок, укрыл Таситу одеялом и вышел.

— Прокурор Коннор, — казенным тоном сообщил безопасник. — Вам предъявлено обвинение в убийстве. Нам приказано доставить вас в городскую тюрьму Джалана. Руки.

На запястьях Виктора защелкнулись наручники.

Триединая империя, Альварские предгорья
Северная провинция Идо, канцелярия патриарха Кима

— Нора, Эдвард, — Ким вежливо поздоровался с двумя степенными альвами, вошедшими в кабинет.

— Добрый вечер, патриарх, примас, магистр, — Нора кивнула де Зирту и Ахасо, сидевшим за небольшим столом. Эдвард последовал ее примеру.

Ким велел секретарю принести чай и перешел на альварский язык. Для горного народа это был особый знак уважения.

— Леди Коннор…

— Я давно не леди. Я отказалась от своего титула в пользу Виктора, — алые глаза Норы сверкнули. — И сделала это для блага нашего народа. В человеческом обществе только декларируется равноправие, в реальности всем управляют мужчины. Люди. Мы можем сколько угодно объяснять, что у альвов матриархальный строй и совсем иная культура.

— Нора, — начал де Зирт.

— Не встревай, Люс. Я имею право высказаться. Сейчас я говорю как мать. Которая не делает различий между родными сыновьями и приемными. Виктор для меня такой же, как все остальные дети, он мой сын. И ему грозит смерть только за то, что он слишком сильно хотел помочь людям. Если вы полагаете, что для нас он — просто удобный представитель в высшем обществе или… политический инструмент, то ошибаетесь. Да, он человек, мужчина. Но он вырос в горах и был принят нами как свой. Мы были бы рады, если бы он представлял нас через год в совете лордов. Но, в первую очередь, он мой сын!

— Он и нам не чужой, — напомнил Ким.

— Сколько у тебя таких, Ким? — скривилась Нора. — Одним больше, одним меньше.

— У меня внуков всего двое, — подал голос Ахасо.

— Мой сын — не политическая марионетка, которую можно пустить в расход и заменить на другую, — Нора злилась. — Его всегда тяготила эта роль и это ваше лордство, которое ему навязали.

— А не вы ли жаловались, что альвов притесняют, не допускают в совет, манипулируют вами? — обиженно заворчал Ким. — Вы и говорили, что ваш голос не слышат, и были рады моему предложению.

— Мы благодарны вам за эту попытку. Но сейчас речь идет о его жизни! Прошу простить меня за резкий тон, — Нора достала из сумки носовой платок и скупым движением промакнула глаза. — Я расстроена.

— Понимаю тебя, — Ким положил огромную ладонь на руку альвы, и успокаивающая энергия тонкой струйкой потекла по черной коже. — Признаю, это была наша ошибка, мы хотели как лучше. Ты совершенно точно заметила — равноправие только декларируется, но правят мужчины. Виктор был отличным кандидатом, как нам с Люциусом казалось. А вы с Эдвардом — прекрасные родители, вы воспитали хорошего сына. Принципиального, честного и трудолюбивого.

— Только мы не политики, — подал голос Эдвард. — В горах я руковожу автономным департаментом правоохраны, и Виктор решил…

— Взять с тебя пример, — закончил мысль де Зирт.

— Мы гордимся им, — Эдвард распрямил спину и посмотрел на патриарха сверху вниз, хотя тот был в полтора раза выше. — И полностью оправдываем то, что он сделал. На его месте я бы поступил так же.

— Боюсь, что имперский суд его не оправдает, — возразил Ким.

— Суд ничего не решает. Все будет понятно по результатам заседания совета лордов, — де Зирта это пугало больше, чем предстоящий фарс в здании суда. Он прекрасно знал, от кого будет зависеть реальное решение.

— Сборище продажных рож, — фыркнула Нора, подтвердив его опасения. — Каждый из них будет трястись за свою шкуру, которую Виктор может в следующий раз продырявить. Когда создавали карателей, следовало заложить в их программу кару за взяточничество.

— Империя бы вымерла наполовину, а то и на три

четверти, — мрачно пошутил Ахасо.

— Зато стала бы гораздо честней, — высказался Эдвард.

— Ким, я не прошу для него оправдания, это невозможно, — пальцы Норы задрожали, и она пролила чай на стол. — Мы все понимаем. Закон есть закон, он совершил преступление, пусть и во благо. Но вы можете повлиять на его дальнейшую судьбу. Я больше чем уверена, что лорды пожелают его смерти. Они боятся его. И боятся усиления альварского и друидского влияния через него. Слишком многогранная фигура появилась бы в совете.

— А капитан Брайс не будет свидетельствовать на суде, — де Зирт нервно поежился. — И Виктор откажется от его показаний. Ты прекрасно знаешь, он считает себя единственным виноватым.

— Я полагаю, что это дело было умело сфабриковано, — высказалась Нора, — Чтобы его… убрать. Поэтому боюсь, что суд лордов будет слишком категоричен. Хотя фактически может приговорить его к ссылке в Альварские горы. А дальше…

— А дальше к нам хрен кто сунется, — снова закончил за него магистр. — Свои не выдадут. Горы и горы, сидит и сидит. А уж где, в активной шахте или в своей комнате, а то и в ресурсном совете Лиманны — наше внутреннее дело.

— Мы не ждем оправдательного приговора, — Нора сжала кулаки. — Мы хотим, чтобы его не казнили. И выдали нам. И если вы ничего не сделаете…

— Нора, — тихо произнес Ахасо. — Я тоже здесь не просто так. От моей семьи и так осталось не слишком много. Виктор такой же, как его родная мать. Ради тысяч чужих жизней готов, не раздумывая, пожертвовать своей. Ты думаешь, я хочу и его потерять? Я согласился отдать его вам не для того, чтобы заключить династический союз с альвами. Можно было выбрать любого другого ребенка. И мы могли попросить любую другую семью. Элементарно перевезти его в северную общину, он одаренный. Мы действительно хотели как лучше. Выбрали достойных родителей и достойную цель. Лично я доверил вам с Эдвардом самое дорогое — почти единственное, что осталось от моей семьи. Я слишком стар, чтобы успеть завести новую. Как ты думаешь, я хочу, чтобы его казнили? Или скажешь, что у меня и второй внук есть, так что одним больше, одним меньше? У тебя пятеро детей, и ты грызешься за каждого из них.

— Ахасо, прости меня, — Нора опустила голову на руки. Эдвард утешающе обнял жену.

— Но мы не можем ничего обещать, — пробасил Ким. — Кроме того, что сделаем все возможное.

Триединая империя, Альварские предгорья

Северная провинция Идо, гостиница «Эвейя»

Де Зирт ходил кругами по номеру. За его передвижениями совершенно безучастно наблюдал Сивус, водруженный на обеденный стол.

— Не было несчастья, прискакала — защитница!

— Угу.

— Как бы не испортила мне все. С нее станется, или к императору в глаза полезть, или на совет вломиться, или вообще судью попробовать подкупить. Хана всем планам!

— Угу.

— Сивус, заткнись, мешаешь думать. Ты ведь не понимаешь, для чего мы все это сделали? Я тебе объясню. Потому что так было нууууужно. Нужно так! Иначе бы они друг друга поубивали к собачьей бабушке! И эти, и те.

— Угу!

— Мы же отлично все придумали. В человеческих семьях воспитываются альвы, в друидских — люди. Лучшее начало династических браков — детство, проведенное в нужной культуре. Привычки, впитанные годами. И ведь хорошая получилась концепция! Ни разу не подводила. Ты и сам видел, что из этого получилось. Помнишь, как Ахасо головой об стену бился? О боги пресветлые, у матроны ребенок без способностей родился, стыд и позор! А я ему что — ну отдай, раз не нужен. А теперь смотри, какой — моя семья, самое дорогое, что у меня есть! Вспомнил через столько лет, хрыч старый!

— Угу.

— С Виктором только промашка вышла, недосмотрели. Не учли, что у него шарики на ролики наслоятся. Вот он и того… а кто бы на его месте не того? Жалко. Хороший был козырь. Ну ничего, еще не все потеряно, что это я заранее похороны заказываю? Я просто так не сдамся!

— Угу.

— А Ким старый интриган. Только притворяется пнем. Ты ему не верь, Сивус. Слышишь меня? Не верь.

— Угу.

Триединая Империя, Джалан
Район Фирих, здание Совета лордов

Ким не любил «посиделки» в каменных мешках вроде этого. И хорошо понимал лорда Райвена, который тоже всем своим видом показывал, как ему здесь тошно. И друидам, и многим полукровкам ограничения свободы были поперек горла. Они

не выносили тесную одежду, душные помещения и морализаторские рамки, в которые люди вечно пытались впихнуть природу, несмотря на все ее сопротивление.

Ким обежал глазами комиссию из двенадцати представителей высших домов и еще дюжину присутствующих — канцлер, двое помощников, секретарь, имперский прокурор, какие-то новые лица, всех столичных чиновников не упомнить.

Ахасо на собрание не пустили, не лорд. Зато о своем праве внезапно вспомнил Люциус. Ну что ж, двое, по крайней мере, точно на него стороне. Матрона Шания — третья. Выяснить бы, сколько против. Ким прекрасно понимал: может так оказаться, что — все оставшиеся.

Нора озвучила то, о чем он предпочитал не думать. Виктор не вписывался в это общество. Слишком многое в нем было не так. Слишком много парадоксального. Уникальный дар, исключительное чутье. Упрямство и прямолинейность. Детство в Альварских горах, пять лет в друидской общине и суровая учеба в Военной академии. Что в итоге получилось? Угроза всей благополучно рассевшейся по теплым местам элите. Угроза реальная, живая, одаренная и очень опасная. Не досмотрели.

Поток мыслей патриарха прервал император Тагир, лично явившийся на совет. Ким выпрямился во весь свой немалый рост и поклонился ровно настолько, чтобы пристально посмотреть на правителя сверху вниз. Взглядом, полным укора и сожаления. Император даже не поморщился.

Друид досадливо крякнул и сел. Намеренно на полсекунды раньше, чем Тагир озвучил свое дозволение. И этот жест тоже не остался незамеченным.

Канцлер, как обычно, взял на себя роль распорядителя. Озвучил стандартные правила процесса и главный смысл собрания, а затем предложил высоким лордам перейти к обсуждению, результаты которого будут учтены императорским судом. Но все прекрасно знали, что решение будет принято уже здесь, а судебное заседание — чистейшая формальность «для народа».

— Итого, — подвел черту канцлер, — превышение должностных полномочий и убийство доктора Коди, друида.

— У нас такого никогда не было, — задумчиво произнес лорд Морин. — Что вообще за странная практика, судить высшего лорда? Мне кажется, это не очень правильно.

— Боитесь потерять свою безграничную власть? — ехидно спросил кто-то из неопознанных высших.

— А завтра нас начнут судить за все? — гаркнул лорд Бетан.

— А с чего вы взяли, что вы выше закона? Вы ему

подчиняетесь!

— Что значит выше или ниже, мы и есть закон! — Бетан покраснел от возмущения.

— Не чернь будет решать судьбу лордов! Судья должен быть хотя бы из числа высших!

— Виктор Коннор — не наследный лорд, он приемный, — вкрадчиво напомнила леди Уоллес.

— И единственный представитель альварской общности в совете, — включился в беседу лорд Райвен.

— И что с того? Он обычный сиволапый мужик, даже не с наследным титулом! Какой там высший суд?

— Титул ему дал император, — на удивление тихо напомнил лорд Райвен, но под его взглядом оппонент дрогнул. — Лорд Коннор был воспитан в альварской автономии. Вам напомнить, что количество лордов в этой общине как-то не соответствует экономическому влиянию зоны на всю финансовую структуру империи? Говоря проще, вы забыли, кто вас кормит и откуда берется две трети бюджетных ресурсов страны? У альвов неоднозначная репутация и особенная мораль. Поэтому, чтобы уравнять в высших имперских органах власти людей и альварскую автономию, его величество дал титул человеку, воспитанному в приемной семье. Для представления и защиты интересов автономии в органах власти. Вы сомневаетесь в решениях его величества? Император Тагир здесь, можете озвучить свои сомнения.

— Лорд Райвен, вы снова ведете себя неподобающе! — зашипел канцлер.

— Нет, — внезапно озвучил свое мнение император, и все разом замолкли. — Лорд Райвен совершенно прав. Я в курсе ваших дружеских отношений с лордом Коннором и понимаю ваше желание встать на защиту. Но постарайтесь сохранять объективность. Мы можем назначить для альварской автономии другого… защитника интересов.

— Ваше величество, — Гаральд Райвен не побоялся встать во весь рост, невольно подражая жесту Кима, — я сейчас сужу не с позиции друга, а с позиции экономиста. Виктор Коннор воспитывался среди альварской аристократии. Он прекрасно знает нравы и обычаи элиты, он вхож в высшие круги и принят там как свой. И пока что лорд де Зирт — единственный представитель альвов в совете. При том, что альвы доминируют в ресурсной политике страны. Но общество продолжает отторгать их из-за слишком большой разницы в менталитетах. Чтобы защищать интересы стратегически важной общности, нужен тот, что был воспитан в этой культуре, а не просто назначен указом

сверху. Ваше решение было идеальной тактикой. Я как экономист не стал бы его менять на менее выгодное.

— Меня так остроумно хвалит восходящая звезда имперской экономики? И диктует мне свои условия? Надо же, я польщен, лорд Райвен. Мы с вами мало пересекались, не доводилось воочию видеть вашу легендарную дерзость, на которую то и дело жалуются.

— Его величество недоволен вашим поведением, — ехидно заметил канцлер.

— Я этого не говорил, — сурово осадил император. — Попрошу вас не перевирать мои слова. Лорд Райвен, вы правильно мыслите, но постарайтесь сдержать свой характер. Я с удовольствием уделю вам время для приватной аудиенции. Обсудим проблемы Альварской автономии и перспективы бюджетообразования империи. А сейчас давайте продолжим по существу. Лорды и леди?

Получив разрешение, высокородные одновременно загомонили:

— В общем, какая вам разница, приемный или нет, права распространяются на всех лордов!

— Закон равен для всех!

— Люди не могут быть равны, люди вообще не равны по своей природе, они вообще не равны никак!

— Доктор Коди был уважаемым друидом!

— Он был преступником и наркоторговцем!

— Таких вообще нужно расстреливать без суда и следствия!

— Вы предлагаете в борьбе с наркотиками действовать, как эти мясники-каратели?

— Зато они обеспечивают реальный результат, — ввинтился в разговор до того молчавший де Зирт. — У нас количество жаждущих на порядок меньше, чем в соседних странах. При том, что вы прекрасно знаете, сколько каждый день диагностируется психических нарушений.

— Имперский референдум показал, — поддержал друга Ким, — что жители полностью согласны с этими методами борьбы. Хотя друидская общность не одобряет карательных методов. Мы за излечение преступников, а не за их убийство. Но один жаждущий может погубить сотни, даже тысячи невинных людей. И если есть возможность предотвратить эти преступления методом самого жесткого пресечения…

— А скольких еще может убить лорд Коннор, если ему позволить и дальше творить самосуд?

— Служба психологического контроля не выявила никаких нарушений, — напомнила матрона Шания. — Виктор действовал

из других соображений. Вам прекрасно известно, из каких. Материалы дела и показания лорда изучили все.

— Неужели нельзя было сделать это как-то аккуратнее? — хмыкнул лорд Бетан.

— Ну, в целом, он прав… Но, если его отпустить, начнется революция. Это дестабилизирует ситуацию в стране. Он был поставлен защищать закон, а в итоге начал действовать как мясник. Если так пойдет дальше, мы свалимся в тотальное беззаконие.

— Сегодня, — снова взял слово Ким, — в городской больнице умер племянник одного из высших лордов. Я не буду упоминать имен. Но умер он от наркотиков. Вы пытаетесь скрыть эту информацию, но она становится все более известной.

— Общественное мнение, по данным статистики, уже всколыхнулось, — пискнул один из помощников канцлера.

— Рейтинг личной популярности лорда Коннора в народе значительно вырос после публикаций о той операции…

— Можно подумать, мы тут рассматриваем не закон, а общественное мнение! Кого оно интересует?

— Общество в последнее время много чем недовольно, — заметил де Зирт. — К этому костру уже осталось только поднести спичку.

Ким поймал взгляд императора. Бесконечно уставший, мечущийся, наполненный сомнениями. Несмотря на всю многослойную защиту артефактов, увидел его тело — изможденное, истерзанное, сбоящее. Император колебался. И Ким понимал, почему.

*****

Тагир чувствовал, что все идет не так. Все было плохо. Виктор Коннор был слишком положительным героем для того, чтобы внезапно сделать из него чудовище, заклеймить и отдать на растерзание палачу. Еще недавно он был героем газет и передач, а теперь что? Казнить его означало расписаться в своей слепоте. В провальности кадровой политики империи. Тагир должен был после такого отречься от престола, признав себя никчемным правителем.

Но передать власть было просто некому. Сын умер, благо, успел оставить наследника. Только принц Джеремиан не давал особого повода для гордости. Скорее, наоборот. Изможденный император мечтал уйти на покой, но мужественно держался на троне, зная, что с его уходом все станет только хуже.

Нельзя было смахнуть Виктора, как надоедливую муху.

И допускать самоуправства тоже нельзя, иначе каждый будет считать себя судьей.

«Пожалуй, стоит посмотреть, что гласит закон на эту тему», — подумал Тагир.

*****

Ахасо и оба старших Коннора нетерпеливо ждали возле входа в здание совета. Ким, де Зирт и лорд Райвен вышли одновременно, не переговариваясь. Совещание прошло скверно. Отвратительно. Говорить с кучей бестолковых, перепуганных лордов было не о чем. А император, похоже, был рад как можно раньше избавиться от необходимости выслушивать весь этот бред.

— Ну что? — нетерпеливо спросила Нора.

— Пока ничего, — уныло ответил магистр, — Совет не принимает окончательного решения.

Эдвард витиевато выругался на альварском. И на нем же спросил у де Зирта:

— Я правильно понимаю, что под окончательным решением этих золотоносных говорунов ты подразумеваешь рекомендацию приговорить к смертной казни?

— Да, друг мой.

Нора вцепилась в руку мужа.

Пока альвы беседовали, Ким аккуратно подцепил лорда Райвена под локоть и отвел в сторону.

— Ты хорошо выступил, — похвалил он совершенно разбитого и растерянного Гаральда.

— Не время для сарказма, патриарх.

— Это не сарказм. Просто ты говорил не с теми людьми. Они боятся Виктора. Народ его любит, а эти… ты сам понимаешь причины их страха.

— В том-то и дело, что я все понимаю, а сделать ничего не могу. Мое слово на совете ничего не решает.

— Рано опускать руки. Совет — не единственная инстанция. К слову, Гаральд… уж прости, я без титулов, мне дозволено.

— Конечно, патриарх.

— Так вот. Я искренне сожалею, что недооценил тебя. Мне говорили, что ты умный мальчик, а я думал, что это обыкновенная родственная гордость. Сегодня я увидел, насколько был не прав.

— Я привык.

— Не надо. Не привыкай. Иначе однажды сам в это поверишь. Ты умнее, чем все твои… коллеги вместе взятые. Чаще приезжай в общину, не забывай, что ты наполовину друид.

— И не имею ни капли друидских способностей. Ведь поэтому меня отдали в человеческую семью, — криво ухмыльнулся Гаральд.

— Это не повод забывать родственников. Ты должен понять, нам тяжело принимать подобные решения, но именно человеческая семья помогла тебе развить свои таланты в полной мере. Ты получил хорошее образование, ты делаешь головокружительные успехи.

— И теперь обо мне вспомнили? Выпью сегодня за это.

— Я понимаю причину твоей… обиды. Но сейчас нам нужно объединиться. И надеяться, что мы сможем что-нибудь придумать, чтобы спасти твоего друга. Хотя бы от эшафота.

*****

Триединая Империя, Джалан
Район Фирих, департамент финансов

Гаральд Райвен уже двадцать минут стоял в коридоре и гипнотизировал телефон. Впервые за все время дружбы с Виктором понял, каково ему с таким характером: когда приходится подолгу терзаться сомнениями и взвешивать малоприятные решения с позиции «а не пойти ли самым прямым и коротким путем». Сейчас коротко и прямо его могли послать до самой Каменной пустоши с полным на то правом.

Гаральд позволил себе помучиться еще немного, а затем набрал номер.

— Привет, предатель, — мурлыкнул знакомый голос с хищными интонациями. — Текстовая шлюха на проводе.

— Всегда преклонялся перед твоим умением помнить цитаты дословно, — Гаральд мысленно выдохнул. Если ответила, значит, не все потеряно.

— Прогиб засчитан, что тебе нужно?

— Сразу к делу, без предварительных ласк?

— Ты в них не силен.

— За пару лет многое могло измениться.

— За твоими переменами, что карьерными, что размерными, мы наблюдаем всей страной, — съязвила девушка.

— Я рад, что хотя бы ты не стала плюшевой и забывчивой. Надо встретиться.

— С какой целью, милый?

— С высшей, драгоценная.

Повисла пауза. И это был хороший знак, она думает.

— Через час, ресторан «Донжон», там подают дивную пасту

с белыми трюфелями.

— Ради встречи с тобой я согласен даже на это, — заверил Гаральд.

— До встречи, милый.

Связь разъединилась.

Гаральду стоило больших усилий не высказать вслух все, что он думал о заявленных условиях. Забронировать столик в самом дорогом ресторане столицы можно было разве что за месяц. И, даже если совершить чудо, идти придется в парадном мундире — таковы были непреложные правила для посетителей из высшего сословия. Благо, этот пыточный ужас после совещания висит в шкафу, переодеться — пять минут. Но провести в нем еще пару часов? Короче, она просто издевалась. В сущности, имела право.

Триединая Империя, Джалан
Район Хеске, редакция журнала «Дива»

Лория Алиссандра Маоджаджа была родом из Халахи, небольшого полуострова на юго-западе. Де-юре земля принадлежала Империи, де-факто ее жители считали себя отдельной нацией и с завидной регулярностью требовали независимости от имперской диктатуры, а в идеале — полной сепарации с превращением полуострова в остров. Свою обособленность халахинцы подчеркивали с маниакальным упорством: носили экзотическую одежду, брили волосы на висках и затылке или укладывали в умопомрачительные прически. К этому добавлялись замысловатые татуировки, часто декорирующие половину тела, а то и все — с головы до ног.

Халахинцы редко заключали браки с «материковыми», но Лори родилась как раз в такой смешанной семье. Поэтому внешностью обладала характерной, фамилию носила по меркам империи непроизносимую, однако полжизни прожила в столице, блестяще окончила Академию Искусств и в свои двадцать шесть уже была звездой гламурного глянца.

Сейчас, собираясь на совершенно спонтанную встречу, она мельком оценила себя в большом зеркале: все та же хрупкая женственная фигура, которую подчеркивало глубокое декольте и разрез от бедра. Роскошные дизайнерские туфли от местной феи обувного эксклюзива и оригинальная сумочка из последней коллекции. Морщинок не появилось, дополнительных килограммов тоже. В общем, этому скоту не к чему будет прицепиться. Ах да, духи подновить.

— Ухожу, у меня встреча с лордом Райвеном.

— Я не ослышалась, вы с ним? — округлила глаза

молоденькая ассистентка. — И через час встречаетесь в «Донжоне»?

— Более того, он даже согласился на белые трюфели, — халахинка улыбнулась, и ее резкие черты лица стали похожи на птичьи. Разве что перья ей заменяли черно-розовые косички и ядовитого цвета платье в пол. Идеальный образ для главного редактора журнала о моде и звездах.

— Когда вас ждать в офисе, если будут спрашивать?

— Либо завтра утром, либо никогда.

*****

Триединая Империя, Джалан
Район Аллаяфа, ресторан «Донжон»

«Донжон» был не просто сверхдорогим и сверхпопулярным. Если где-то и существовало место дороже и роскошней, то не в империи. Гостей встречали каменные стены в архаичном стиле, массивные кресла, в которых вольготно могли расположиться лордские задницы, и меню, состоящее исключительно из импортных продуктов, которых просто так в городе было не купить. Но самое главное — готовилось каждое из этих блюд по совершенно особым секретным рецептам.

Гаральд все это не выносил. Неоправданный пафос, требование заявляться исключительно при параде, но больше всего нервировали темно-серые стены — тяжеловесные, нависающие, лишенные окон, как будто это не зал, а каменная тюрьма. После напряженного и крайне неприятного разговора на утреннем заседании он вообще всех ненавидел.

— Ты же понимаешь, на что мне пришлось пойти, чтобы организовать эту встречу? — он смотрел на Лорию и с трудом сдерживался, чтобы не показать свое раздражение, доставшее до ушей.

— Конечно, ты и не такое заслужил, — кивнула она.

— Предлагаю просто об этом забыть.

— Странное предложение, — девушка лениво поковырялась в тарелке с пастой. — Ты сам сказал, что память — одно из моих профессиональных достоинств.

— Ты вся соткана из достоинств, — Гаральд постарался изобразить самую очаровательную из своих улыбок. Не хватало еще все испортить из-за плохого настроения.

— Мужская грубость уместна в переговорах и в постели, но уж точно не в лести, — она позволила поцеловать свою руку, унизанную оригинальными кольцами.

— Ваш десерт, — вклинился в разговор официант. Несмотря на идеальную вышколенность, он все-таки позволил себе бросить оценивающий взгляд на обоих собеседников, пока ставил на стол две тарелки с шоколадным пирогом.

— Джа, я не просто так тебе позвонил.

— Портить мне аппетит, не дождавшись десерта — дурной тон, — вилка обвиняюще нацелилась в грудь Гаральду. — Лорд Райвен, вы не помните, что дама должна дойти до десерта, прежде чем вы дойдете до дел? Или вам опять не хватает выдержки?

— В присутствии такого профессионала трудно сдержаться.

— Зато вам прекрасно удается держать язык за зубами, когда ситуация требует обратного.

— Следить за своим языком я тоже научился. Можешь устроить мне квалификационный экзамен под бокал «Гордости империи».

— У меня дома как раз есть пара бутылок, — журналистка изобразила то, что можно было счесть за флиртующую улыбку. Которую вполне можно было считать победной.

Триединая империя, Джалан
Район Хеске, жилой комплекс «Зеленая жемчужина»

Гаральд столько раз бывал в этом доме, что уже привык к его необычной обстановке. Халахинцы предпочитали сохранять аутентичность везде, где это было возможно. Поэтому стены украшали бесчисленные амулеты, чеканные фонарики и статуэтки, а массивную мебель с парчовой обивкой и позолоченным деревом дополняли тяжелые плотные портьеры с кистями. И в огромной комнате, служившей одновременно кабинетом и спальней, вечно царил полумрак.

Вот только та часть, что была «кабинетной», похоже, выдавала «материковую половину» журналистки. Там стоял суперсовременный компьютер, обычное офисное кресло, если можно применить слово «обычное» к кожаному гиганту ярко-синего цвета. В мыслях Гаральда моментально возникли сказанные когда-то слова: «Под цвет твоих прекрасных глаз, милый. Нравится?»

Осточертевший китель был брошен на спинку дивана, и половина плохого настроения сразу исчезла. В два старинных серебряных кубка плеснулось крепкое розовое вино.

Халахинка деловито порылась в ящике комода, вынула блистер с таблетками, быстрым жестом кинула в рот одну и бросила упаковку в лицо Гаральду. Тот машинально поймал

«снаряд».

— Нейтрализатор. Мы же не хотим, чтобы наш разговор закончился, так и не начавшись? Только из-за того, что упрется в банальную физиологию?

— Ты сама говорила, что тебе не хватало предварительных ласк.

— Твоя помощь мне не требуется, — жесткие черты перестали прятаться за отлично разыгрываемой слащавостью. — Так что давай к делу. Мы достаточно наигрались на публику. Ты же мне позвонил не для того, чтобы встретиться и мило поболтать о прошлом? Я, конечно, все еще не прибилась к числу счастливых домохозяек, и вряд ли когда-нибудь ты меня увидишь в нарядном переднике и с младенцем на руках. Но это не повод звонить мне через два года. Так что хочу знать, зачем ты здесь?

— Я в таком случае хочу узнать, к чему было все это представление с рестораном?

— Правда? — девушка накрутила на палец косичку и уселась на рабочее кресло. — Хотела проверить, насколько тебе это нужно.

— Какого хрена?… — Гаральд тут же мысленно выругал себя за несдержанность. Ситуация его нервировала.

— Милый, не забывайся. Люди нашего уровня после долгого молчания не могут внезапно решить поболтать. Ты уже не студент Военной академии, который встречается с журналисткой. Ты теперь высший чиновник. И я, как видишь, не последняя персона. Надо же было создать иллюзию, что мы с тобой решили вспомнить былое? Теперь нас видело достаточное количество людей. Сплетники посудачат пару дней, как полагается. И кому, как тебе не знать, что в шоколадные десерты затейники из «Донжона» кладут мощнейшие афродизиаки. На двоих такое заказывают, если планируют закончить вечер в одной кровати. Теперь все искренне думают, что лорд Райвен решил вернуться к бывшей.

— Джа…

— Даже так? Кстати, не люблю я это имперское пойло, — Лори отставила бокал, дотянулась до бара и извлекла бутылку джина. — Никогда не понимала, почему за него просят таких денег, слухи об уникальности сильно преувеличены. Гаральд, ты же не извиняться пришел? Тем более, ты этого и делать-то не умеешь. Я жду подробностей, зачем ты явился. Говори уже нормально.

Она указала на альварский амулет, висящий прямо над компьютером.

— Однако, — лорд Райвен удивленно присмотрелся,

артефакт был из числа не просто дорогих — невозможных. Такое даже за большие деньги на заказ не вытворяли. И спрятан был настолько умело, что, явись сюда служба безопасности с обыском и лучшими физиками в составе, сочли бы безобидным декоративным аксессуаром.

— Прослушать мой дом невозможно, равно как и телефонные переговоры, если у собеседника хватит ума не болтать ерунды на другой стороне. Не научились еще обходить такую защиту.

— Ну что ж, действительно можно поговорить. Ты слышала про дело Виктора Коннора? Нужна помощь.

— Я так и знала, — вздохнула девушка. — Если ты согласился на все мои выходки, то дело не просто опасное. Это ведь не просто конец моей карьере, меня в соседнюю камеру посадить могут. Любишь ты подставлять баб, Райвен.

— Договорились же не вспоминать, — поморщился Гаральд.

— Мы ни о чем не договаривались, память меня ни разу не подводила. И тебя она не подводит, врать будешь своим коллегам. Кстати, оно того стоило?

— О чем ты?

— О твоем внезапном головокружительном взлете. И о причинах, по которым ты решил, что встречаться со скандальной журналисткой стало слишком опасно для твоей репутации. В самом деле, не объясняться же с высокопоставленным ублюдком, назвавшим твою девушку текстовой шлюхой за то, что она озвучила стоимость его часов? А у императора вполне закономерно возник вопрос, откуда у не самого богатого лорда побрякушка стоимостью с приличную машину.

— Тогда ты должна помнить, как сама просила меня не лезть в твою работу. Ты сама решаешь, про кого и что написать. И ответственность за это тоже несешь сама.

— Я и не просила тебя вмешиваться. Но ты тактично меня бросил, чтобы не светиться рядом, пока меня пытались обвинить в искажении фактов и лишить работы.

— Меня не было в стране.

— Очень своевременная командировка, — Лори соизволила снова повернуться. — И очень неожиданная. Удивительное совпадение, в которое я верю чуть больше, чем в летающих терранусов. А затем у тебя так же внезапно появилась новая пассия, с которой ты удачно вышел в свет, объявив своей официальной девушкой. Ну и? Признаешь, что поступил по-скотски?

— Признаю, — Гаральд понял, что отвертеться не получится, и сказал то, чего не планировал говорить. — Прости меня.

— Признание засчитано. А прощать я тебя не собираюсь. Все, вечер томных воспоминаний окончен. Теперь по делу, продолжай. Мне интересно, что ты на этот раз задумал.

— В четверг состоится суд над Виктором Коннором, — Гаральду внезапно отказало красноречие. — Совет лордов настаивает на смертной казни. Император… колеблется. Он не высказал своего мнения ни за, ни против. И сейчас все зависит от решения суда.

— Я тут причем? — по-птичьи моргнула халахинка. — Я что, могу повлиять на судью?

— Можешь. Ты же знаешь, что даже в нашей стране общественное мнение хоть иногда, но учитывается высшей властью. А кто лучше тебя умеет его создавать? Ты ведь способна сделать модному дому годовую выручку за один день или похоронить его, если тебе не понравилась сумочка.

— Снова грубая лесть, Райвен. С каких пор ты стал таким… неуклюжим?

— На меня плохо влияет чиновничья работа.

— Я заметила.

— Джа, времени нет на твое ехидство. Если мы не успеем…

— Хватит, — крохотная ладонь с длинными ногтями остановила поток сумбурной речи. — Я возьмусь. Мою цену ты знаешь.

— Сколько?

— Две недели, — журналистка демонстративно вытянула ноги, обутые в лаковые туфельки.

— Неделя.

— Я не на рынке, не торгуюсь, — девушка крутанулась в кресле и повернулась к компьютеру.

— Согласен, — Гаральд с трудом выбрался из объятий слишком мягкого дивана. Подошел к девушке и встал на колени.

— Добро пожаловать в рабство. Приступать можешь прямо сейчас.

Гаральд осторожно снял с нее обувь и принялся нежно массировать миниатюрные ступни.

Лори прикрыла глаза, на несколько секунд поддавшись несказанному удовольствию, после чего деловито застучала по клавиатуре одной рукой, а другой набрала номер на телефоне.

— Приветствую! — тут же зажурчал ее голос, наполненный сладким дружелюбием. — Есть минуточка?

Гаральд наблюдал за ее работой со скрытым восхищением: в течение десяти минут он выяснил, скольким людям из числа далеко не последних медийных лиц империи можно позвонить «без предварительных ласк» и мило почирикать на опасную тему,

не боясь прослушки. Идея, которую она озвучивала, была не просто сумасбродной — невыполнимой. Но они соглашались!

«Великая сила убеждения», — изумленно подумал лорд Райвен. Его рука добралась до острых коленей, а затем поднялась выше. И это было уже не действие какого-то десерта. Возражений, впрочем, тоже не было.

*****

Гаральд проснулся от того, что в доме пахло крепким халахинским кофе. И тут же вспомнил, кто научил его пить такой — крепкий, ароматный, не опороченный сахаром или, паче чаяния, сиропом, как это делали в модных кафешках. В комнате все так же царил полумрак, не позволявший отличать день от ночи. На часах было семь утра. Она вообще спит? Или в ее аптечке есть не только нейтрализаторы хитрой дряни, которой любят фаршировать десерты в «Донжоне»? У Виктора, помнится, была дурная привычка время от времени баловаться не самыми безобидными альварскими стимуляторами. Трудоголики хреновы.

— Закажи что-нибудь поесть, — Джа выглянула из кухни. Даже дома она не изменяла своей привычке носить нечто модное и экзотическое. На этот раз на ней был классический халахинский балахон с вышивкой, только укороченный раза в два.

— Что ты будешь?

— Без разницы. Ты знаешь мое отношение к общественной еде. Для меня готовит личный повар. А вообще по утрам я не ем.

— Тогда зачем? — не понял Гаральд, — Опять разыгрываешь спектакль?

— Конечно. Обществу следует четко понимать, что ты еще здесь и никуда не торопишься. Ну и не помешает лишний свидетель.

— Может быть, к тебе заглянет какой-нибудь… другой твой раб?

— Странно, — на стол были водружены две чашки с кофе. — Тебя зачем-то называют молодым талантом. А ты так и не осознал, что это у вас в финансовом департаменте стандарты и единые налоги. А в нашей богемной среде ценится уникальность.

Гаральд не стал отвечать на выпад, предпочтя пить кофе горячим. Тем более, он хорошо знал характер Джа: она не будет утруждаться кухонными хлопотами, чтобы покормить завтраком любовника. Хозяйственность и гостеприимство к числу ее достоинств точно не относились, скорее, наоборот. Пора было привыкнуть, точнее, вспомнить.

И вообще, уже стоило вежливо попрощаться: работу никто не отменял. За одно только вчерашнее внезапное исчезновение сегодня можно было ожидать разнос от начальства. А до работы нужно было выкроить полчаса и наведаться к друиде. Спина и грудь были располосованы до мяса острыми длинными ногтями. Причем это была не пылкая страсть, а расчетливая месть.

«Я еще легко отделался, учитывая кровожадность халахинцев», — подумал Гаральд, надевая ненавистный китель.

— Уходишь? — поинтересовалась девушка. Она снова засела за компьютер и что-то там азартно писала. Ненавязчиво демонстрируя, что общаться за пределами профессиональной темы и платы за свою работу не собирается.

— Я же должен переодеться в нормальную одежду вместо этого клоунского наряда? Буду ждать звонка.

— Будешь, не сомневайся, — она так и не повернулась.

*****

Гаральд ушел. Лори досчитала до десяти, а затем взяла в руки телефон и настрочила сообщение. Аппарат ответно пискнул. Еще через несколько минут в квартиру вошел коротко стриженый молодой друид. Не говоря ни слова, прошел к окну и приоткрыл занавески, чтобы в комнате стало, наконец, светло.

Девушка поднялась с кресла и, не говоря ни слова, сбросила с себя балахон, оставшись полностью обнаженной.

Друид посмотрел на нее оценивающим взглядом и положил обе ладони на ее грудь. Затем медленно повел вниз, вдоль живота. Спустился к ногам, а затем прошелся по рукам и шее. От его прикосновений исчезали синяки, царапины, следы от укусов и пара синих пятен, прозаично именуемых в народе засосами.

— Что-нибудь еще болит? — наконец, спросил он. — Я вроде бы все подлатал.

— Да, лоб.

— Я не вижу здесь повреждений, — нахмурился целитель.

— Грабли видимых следов не оставляют, — вздохнула Лори.

— Когда наступаешь на грабли, очень утешает тот факт, что это не вилы, — пошутил друид и добавил, — Вы опять не бережете себя.

— Если начался безумный секс, значит, разум ушел в отпуск. Благодарю за оперативность, Маркус. Счет пришли на мои личные реквизиты.

Триединая империя, Альварские предгорья
Рабочий поселок Белый Камень

Найти приличную видеокамеру в этой дыре оказалось задачей совершенно невыполнимой. Сафира вместе с Лейлой опросили всех и в Белом Камне, и в соседнем Даврахе. В итоге уговорили Арину привезти технику из столицы при ближайшей оказии. В обмен на то, что никому не расскажут, как госпожа Ярл вместе со вторым куратором группы господином Киараном уединились в палатке вместо того, чтобы «пасти» своих подопечных.

Сафира просто аккуратно на это намекнула, никаких подтверждающих фактов у нее не было. Но откуда-то взялась интуитивная догадка: внезапная пропажа обоих кураторов на фоне их обнимашек может иметь только одну причину. И она оказалась права. Арина для острастки возмутилась, назвала обеих дешевыми сплетницами, но быстро сдулась. Если бы все обошлось, никто бы слова не сказал. Но о том, что на Сафиру напали, быстро стало известно. Рисковать Арина не захотела, проще было организовать, что просят.

Лейла, как выяснилось, провела ночь в Идо с большой пользой для своей будущей карьеры: ровно так, как и задумала: нашла себе какого-то столичного ухажера. Не из высших, конечно, в закрытую зону ее тоже никто не пустил. Но и этот был довольно неплох. Такой же интеллектуал, которому сильно не хватало общения «на должном уровне». Молодые люди обменялись контактами, и юноша даже пообещал, что поможет устроить Лейлу в столице.

— И ты ему поверила? — хмыкнула Сафира, пристраивая камеру на штатив прямо в поле с какими-то неопознанными мелкими лиловыми цветами.

— Нет, конечно, — засмеялась Лейла, выплетая из фиолетовой поросли венок. — Учитывая обстоятельства, удивлюсь, если он вообще вспомнит, как меня зовут. Но это был знак свыше, дорогая. Я для себя все решила. Если найду парня, с которым… мммм, все будет, то еду в Джалан.

— Так у тебя с ним все было? — тут же заинтересовалась Сафира. — И как? Он, кстати, кто, человек, друид, может, вообще альв?

— Альвы в столице почти не живут. Человек он, самый обычный. Так, мы снимать тебя будем или я тут сейчас перегреюсь?

— Не жарко вроде.

— Становись, я и так с этой штукой первый раз в жизни

общаюсь, — Лейла пристроилась за камерой. — Будем делать из тебя звезду. Вот туда, чуть-чуть подальше. Слушай, мы об одном не подумали, как мы потом это все монтировать-то будем?

— Ты о чем? — нахмурилась Сафира.

— Я о том, что танцевать ты собралась под плеер, а музыку потом накладывать как? Нам нужен компьютер и специальная программа, как минимум. А где мы ее тут возьмем, в этой дыре? Если мы камеру еле достали?

— Боги пресветлые! — Сафира хлопнула себя по лбу и моментально расстроилась. Об этом она действительно не подумала. Обычно во время выступлений их снимали вживую, вместе с музыкой. А так действительно, немое кино получится, — Блин. Ну и что делать, давай все отменять. Смысл какой кривляться без музыки?

— Да погоди ты! Я знаю, кто нам поможет. Когда там твой конкурс?

— Через две недели отборочный тур.

— Сколько у нас времени, чтобы подать заявку?

— Еще четыре дня.

— Успеем, — кивнула Лейла. — Становись, танцуй! Камера, мотор!

Триединая Империя, Альварские предгорья
Рабочий поселок Белый Камень

Тетя Глаша была дома, точнее, возилась возле вагончика, сооружая какую-то сложную конструкцию, похожую на конуру.

— Кошка наша столовская, которая с нами сюда приехала, так ведь и прижилась тут, — пояснила она свои действия, увидев Сафиру. — А теперь вот пятерых родила. И все беленькие такие! Прямо снежки! Одного вам с Костиком подарю. А пока вот, конопачу домик. В столовой-то и грязь, и копоть, и места мало. Начнут ползать — затопчут их там. А здесь вольер построю.

— А чего из мужиков никого не попросишь?

— Кого? Все или заняты, или отдыхают. А с Костиком своим ты опять поругалась, мне неудобно его просить.

— Ты-то с ним не ругалась.

— Чай будешь?

— Буду, — Сафира первой пошла в вагончик и принялась собирать вещи.

— Все? — понятливо спросила тетя Глаша.

— Ну да.

— Ты же вроде не собиралась…

— Решила собраться.

— Здесь что, не сидится уже? — тетя Глаша выставила на стол вчерашние бутерброды с сыром.

— Что меня здесь ждет? Перспектива выйти замуж за Костика и всю жизнь проторчать в глуши? Стать домохозяйкой? У меня другие планы.

— А в столице тебя кто ждет? Там не будет такого гостеприимства, как здесь. Впрочем, поступай, как знаешь. Я-то, конечно, считаю, что лучше держаться родственников. Хоть какую-то помощь окажут.

— Помощь в чем, теть Глаш?

— Мне будет тебя не хватать, — тетя крепко обняла Сафиру. — Так, видимо, и останусь одинокой старухой с кучей кошек.

— Ну какая ты старуха! Вообще, сама говорила, мужиков здесь — навалом. Найдется кто-нибудь.

— Я за тебя переживаю, как ты там одна?

— Не одна, я вместе с Лейлой поеду.

— Много толку от твоей Лейлы, — тетка еще сильнее сжала руки на спине девушки.

— Там еще Арина. Она же тоже из Джалана, и Ахасо. Они здесь типа в командировке были. Так что, свои люди найдутся, не пропадем.

— Ну дерзай, девочка моя, пусть все сложится, — тетя Глаша заплакала.

*****

Триединая Империя, окрестности Джалана

Столица расположилась в гигантской долине, закрытой с севера и востока небольшим плато, по которому и проходила дорога. Поэтому первое впечатление о городе Сафира получила «с высоты моста», как и в Идо. Только на этот раз автобус не останавливался, чтобы дать пассажирам возможность вдоволь насмотреться. Пришлось разглядывать из окна. Где-то внизу колыхалось прозрачное бирюзовое море, слева в порту сновали корабли. За портом простирался холмистый лес, который плавно переходил в золотистые дюны. Ирге, южная территория друидов.

Посреди города можно было рассмотреть дворцовые постройки, вокруг которых кольцом ощетинились государственные департаменты. Сафира вспомнила, что этот район, окружающий дворец и административные здания, так и назывался — Фирих, кольцо. И считался самым престижным

в городе. А вот это точно Хеске, не перепутать! Он похож на радужный флаг: фасады домов раскрашены в яркие цвета. Здесь традиционно селилась столичная богема. Вон те стеклянные высотки — Аккелена. А огромные башни и рядом с ними частные многоэтажные коттеджи — Аллаяфа. Районы, окружающие кольцо, были настоящей сокровищницей архитектуры.

А вот чем южнее и ближе к границе — тем беднее и серее. И, пожалуй, серой становится даже река, пролегающая через весь город и впадающая в море. Наверное, потому что в бедных кварталах все еще стирают прямо на берегу…

Джалан был разным: одновременно и утопающим в зелени имперского парка, и грязным, набитым кособокими лачугами — в районе Старого порта. Здесь были кварталы для небогатых жителей и элитные башни из стекла и камня. Мощеные улицы центра и асфальтированные хайвеи, опоясывающие город. Сафира поняла, почему даже суровый голос Арины, говорящей о родном городе, менялся и исполнялся восхищения. Красота невероятная!

Теперь ясно, почему древние поселенцы выбрали для столицы именно это место. Хотя, казалось бы, это самая что ни на есть окраина страны. Но мудрость предков мог оценить и торговец и воин.

Во-первых, рукой подать до границ. Во-вторых, море с удобными бухтами, порт и гигантские пляжи. В-третьих, плато, холмы и леса, через которые не всякая бронетехника или кавалерия проедет, не сломав себе что-нибудь. В-четвертых, долина была открыта только двум ветрам. И рядом протекало теплое течение, поэтому в Джалане оказалось не так прохладно, как в предгорье. Здесь, говорят, почти не бывает снега, а если и бывает — то это для местных настоящее чудо!

Девушки ехали, как сказала тетя Глаша, «наобум Лазаря», заручившись только поддержкой Арины. Та разрешила остановиться у себя на неделю со словами: «Все равно из казармы не выползу, эти (далее следовало непереводимое альварское ругательство) без меня распоясались совершенно. Дневать и ночевать придется. Кровать у меня одна, она солдатская, то есть узкая, но под мои габариты, так что поместитесь. Или по очереди спите».

На дорогу ушел еще день. На полет порталом денег не хватило — стипендию друидские «кураторы» выделяли крайне скромную. Еще день был в запасе, чтобы найти того самого «интеллектуала», с которым Лейла познакомилась в Идо: у него был компьютер и папа-звукорежиссер. Да, тот самый, который «ставил звук» на главной сцене. А Ойген поехал за компанию

с родителем. Главное, чтобы вообще вспомнил, что у него «все было» и после такого даже гусары женятся. И в последний день можно было успеть подать заявку.

Триединая Империя, Джалан
Район Хеске, частный жилой поселок

— Ойген, это Сафира! Сафира, это Ойген! — Лейла указала подруге на молодого человека, топтавшегося на пороге небольшого особняка.

Человек был действительно молод, не особенно хорош собой, несколько неуклюж и очень стеснителен. Даже пригласить девушек в дом догадался далеко не сразу. А вот на звонок откликнулся моментально, как будто ждал.

Сафира с интересом разглядывала жилище столичного жителя. Дом был обустроен с большим вкусом, явно чувствовалась уверенная женская рука. Ойген провел гостей в свою комнату, заставленную разномастным оборудованием, железками, музыкальными инструментами и лотками с бумагой.

— Красиво у вас, — похвалила Лейла, по-хозяйски усаживаясь в мягкое кресло. — Ойген, девушке нужно помочь с записью.

— Чем помочь? — молодой человек несколько опешил от такого резкого поворота.

Сафира его понимала: скорее всего, он рассчитывал, что Лейла приедет одна и совсем с другими целями. Но то ли стеснительность, то ли некрасивость мешала юноше послать их обеих к лешачьей матери прямо с порога. Поэтому он послушно уселся за компьютер.

*****

— Ну все, готово, смотрите! — Ойген встал с кресла и потянулся. — Вы голодные? Я бы поел.

— Я — очень голодная! — Лейла моментально повисла на шее у молодого человека и заглянула в глаза. — Спасибо тебе огромное. Соф, ты смотри там, что вышло, мы на кухню, покашеварим, да?

— Угу, — Сафира плохо разбиралась в компьютерной технике. Особенно в местной, у которой совершенно по-другому была выстроена клавиатура. И мышки не было. — Как вы вообще с этим работаете?

— Пальцами, — подсказал Ойген, которого Лейла уже настойчиво тащила в кухню. — Вон на ту черную плашечку два

пальца клади и води вверх-вниз. Включить видео — два раза по плашке ударить. Выключить — тоже два раза. Перемотать — сдвинуть влево, ударить. Разберешься?

— Попробую, — неуверенно пообещала Сафира.

— Если что, зови, — крикнул Ойген уже из коридора.

Звать никого не пришлось. Разобраться, куда и с какой силой нужно бить, водить и мотать, удалось с пятой или шестой попытки, но удалось. Незнакомая клавиатура и вовсе не понадобилась. Видео получилось не то чтобы хорошее, оператор из Лейлы был так себе. Но Ойген сотворил настоящее чудо: умудрился «расковырять» плеер и подключить его к местному оборудованию. Сказав что-то про «у папани такой разъем был, только придется подключить к системе, оттуда снять звук — будет немного грязно, конечно, но зато будет».

Как итог, еще через два часа Сафира получила на руки что-то вроде очень компактного мини-диска, замурованного в пластиковый кожушок. Там были все ее «тренировочные» песни. Качество звука действительно прихрамывало, но зато теперь у Сафиры появился главный козырь: она могла выступать под свою, знакомую музыку. Под ту, которую заучила до ноты. На плеере помещалось сто тридцать восемь композиций, собранных в «солянку для транспорта». Если выгорит безумная затея, ей хватит материала, чтобы пройти все три этапа конкурса и не разучивать в спешке новую программу.

Свою первую ставку она сделала на композицию Hijo de la Luna. Начнем, господа, с классического балета.

Сафира смотрела на видео, где тонкая фигура танцевала в бескрайнем поле с лиловыми цветами. И смотрелась… завораживающе.

Ойген, похоже, все-таки поколдовал над роликом, потому что свет получился более мягким, появилось что-то похожее на легкие спецэффекты.

«Блин! — спохватилась Сафира, — завтра же последний день для заявок! Точно завтра, мы ничего не перепутали?»

Из мучительных размышлений — не броситься ли в приемную комиссию прямо сейчас, или уже не успеет — ее выдернул истошный женский крик.

*****

Женщина бежала заполошно, не разбирая дороги, спотыкаясь, крича и визжа от ужаса. Босая, растрепанная, она пыталась не оглядываться, чтобы не терять темп, но понимала, что скрыться не сможет. Смерть была неспешной, но неумолимой,

и настигала ее шаг за шагом. От смерти нельзя было укрыться ни в проулке между яркими фасадами, ни в подвале… смерть взяла след. И теперь не отступит, пока не возьмет свою плату.

Женщина рыдала, орала, раздирая лицо руками, ее гнал инстинкт, а не разум — потому что разум понимал, что бегство бесполезно. Она не видела, что на нее во все глаза смотрят люди, свесившиеся с балконов, выбежавшие к калиткам и заборам особнячков. Люди шли по улицам, но, едва увидев ее и неотступно следующую за ней смерть, шарахались, осеняя себя знаками пресветлых богов. Люди жались к стенам, падали на колени, чтобы только смерть прошла мимо них. Слишком страшная, слишком неумолимая.

Юм шел по следу. И злился. Потому что не успел. Карателей было слишком мало. Всего семь тысяч на огромную империю. Опять всплеск. Опять у тысяч людей сорвало резьбу, и по улицам прокатилась волна скандалов, дуэлей, драк — и убийств, которые не удалось предотвратить. Как и это. Он чувствовал, как горят ментальные метки на руках женщины. Чувствовал ее страх. Он должен был не просто вырвать ее сердце — растоптать его, смешав с дорожной пылью.

Полчаса назад эта женщина убила ребенка. Как убивала до этого. Но в программе была допущена ошибка. Психиатр-менталист, который составлял систему, счел, что женщины не страдают садизмом, и это «чисто мужская привилегия».

Женщина была богата, но работала в больнице на благотворительных началах. Каждый день купалась в лучах благодарности за свою помощь. И каждый день высматривала детей, похожих на ее бывшего. Тех, которые, по ее мнению, могли родиться от него.

В программе был еще один сбой: убийство можно было ментально зацепить, только если объект намеревался самостоятельно устранить жертву, испытывая определенные эмоции — жажду. Эта же сука подстраивала несчастные случаи. Программа не срабатывала.

Но в этот раз она не сдержалась. Настолько привыкла к своей безнаказанности, что забыла: преступления в империи наказуемы. И закон един для всех.

Юм умел чувствовать, и сейчас его мысли переполняла ярость и сожаление: кто составлял алгоритм? Почему он такой неполноценный? Он читал мыслеобразы женщины, причиняя ей жуткую боль ментальным воздействием. Он смотрел, как она ставила тазик возле кроватки, от которой совершенно случайно отвалился бортик.

Он видел, как сегодня в руках у женщины появилась тряпка.

Обвилась вокруг крохотной шейки… и Юм не успел. Он не мог успеть.

Поэтому все, что ему сейчас оставалось, это молча идти по следу. Чтобы кара настигла убийцу.

Он не спешил. Она уже не убежит от него. Карателя всегда выполняют свой долг.

Ему было безразлично, что она чувствует сейчас. Безразлично, что на него с балкона смотрят три пары глаз. Убийца должна быть наказана — здесь и сейчас. Преступление совершено. Метки на ее руках полыхают, сжигая кожу.

Женщина обессиленно упала на колени и вцепилась себе в лицо. Юм поднял ее за волосы, повернул к себе, чтобы заглянуть в глаза. Он хотел видеть, как душа покинет это мерзкое тело, как навсегда опустятся руки, протянутые к тряпке. Но она зажмурилась, ей было страшно.

— Они были так же беззащитны перед тобой, женщина, как ты передо мной сейчас, — проскрипел Юм, отводя правую руку для удара. — Виновна в убийстве.

Заостренные черные пальцы вонзились в заходящуюся грудную клетку. Женщина завопила — и обмякла. Юм отбросил тело прочь. Положил сердце на дорогу. И с чувством выполненного долга опустил на него ногу в кованом сапоге.

Затем медленно поднял голову и посмотрел на балкон особняка. Никакой синий нефрит не мог скрыть от «бракованного» карателя то, что он однажды увидел своими глазами. На балконе стояли трое. Точнее, двое стояли, одна висела на руках у юноши, покоясь в глубоком обмороке. Сам юноша, додумавшийся смотреть на кару, тоже был не особенно далек от потери сознания. Но, видимо, держался только усилием воли. А третья фигура просто стояла, не пытаясь изображать неженку. И смотрела на Юма, как на старого знакомого. Черными глазами, в которых плескались багровые сполохи.

Триединая Империя, Джалан
Район Фирих, комплекс зданий департамента правоохраны, городская тюрьма

Виктора определили в одиночную камеру — довольно просторную, но обставленную крайне бедно. Кровать, стол, привинченный к полу стул и туалет за кафельной «ширмой». Последний довольно сильно вонял, и от этого начало тошнить. Впрочем, ненадолго. Сразу за тошнотой пришла адская мигрень. Клетка захлопнулась. И было неимоверно сложно осознать: вот и все.

Виктор нарезал круги по камере. Он физически не мог сесть. В голове царил такой кавардак, как будто полчаса назад они с Гаральдом выпили на двоих бутыль горного коньяка, шестидесятиградусной жути, на которую в чистом виде решаются только самые отчаянные. Мысли никак не удавалось удержать в голове, они скакали и уносились прочь. Все кружилось — от «почему» до «как именно меня казнят».

Виктор понимал, что успокоить себя в таком состоянии можно только одним способом: снять рубашку и начать заниматься. Места хватало. Он отжимался, растягивался, проделывал упражнения из стандартной боевой практики. Устал. Произнес молитву пресветлым богам, все так же стоя посреди камеры. В итоге, абсолютно изможденный бессонной ночью и мучительным днем, рухнул на кровать.

Тишина оглушала. Соседей не было даже за решеткой напротив, и, кажется, во всем блоке. По крайней мере, никто не разговаривал и не шумел. От этой изоляции, даже депривации, было не по себе — слишком непривычно, слишком тихо. Рефлексы ощетинивались и ждали подвоха, но тоже быстро успокоились. И Виктор решил воспользоваться ситуацией, чтобы элементарно выспаться. Не вечно же полагаться на искусство альварских алхимиков.

Попытка провалилась: сон был прерывистым и полным кошмаров. Прокурор снова стоял в больнице и рассматривал изможденные, испещренные язвами лица тех, кто подсел на черный лотос. Снова чувствовал их боль, отчаяние, непонимание того, что происходит.

Утро должно было принести облегчение — но не принесло. Виктор проснулся окончательно, оглянулся и понял, что это не сон. Он здесь, запертый в клетке.

Казалось, он был к этому морально готов. Тогда, когда спокойно, размеренно, взвешивая каждое слово, объяснял Брайсу свои перспективы. А сейчас говорил сам с собой, потому что нужно было поговорить.

В камере не было ничего, чем можно было бы занять себя. Ни книг, ни бумаги, ни даже мыла. Чтобы отвлечься, Виктор оторвал кусок простыни, намочил его и начал методично оттирать со стены ругательную надпись, сообщающую о противоестественных связях безвестного прокурора. Может, речь шла и о нем самом, но сидевший до этого в камере не сообщил, кто именно отправил его сюда.

Виктору два раза успели принести еду, прежде чем он закончил очищать холодную, шершавую стену от чужой брани. Еще дважды он занимался.

Окна в камере не было, поэтому определить, который час, не получалось. В итоге, снова упав на кровать и проспав неизвестно сколько, Виктор проснулся, дрожа от холода. Ночь это была или ясное утро там, за стеной?

Снова мучила мигрень, тошнота и волны чужих эманаций, от которых никак не получалось избавиться. И было очень холодно. Простудиться, конечно, практически не грозило — сказывалась друидская кровь, но приятных ощущений не добавляло, а тонкое клетчатое одеяло совершенно не спасало от озноба.

Лорд Коннор в очередной раз впал в рефлексию, осмысливая, правильно ли он поступил или можно было все-таки не спешить и продумать операцию против Коди. Так же, как он сделал это с мэром де Гайосом. Можно было, но легко возвращаться в прошлое, чтобы все переиграть. Гораздо сложнее принять то, что физически это невозможно.

Появление библиотекаря с тележкой книг стало почти праздником в этом царстве депрессивной тоски.

— Ты здесь сдохнешь, Коннор, — с почти радостной интонацией сообщил скрюченный в три погибели альв, толкавший тележку.

Виктор посмотрел на него удивленными глазами. Он молча ткнул пальцем в книгу, которая ему приглянулась. С этой работой совсем не было времени на художественную литературу, почему бы не воспользоваться случаем? Альв помедлил, словно решая, давать заключенному чтиво, или обойдется? И все-таки милостиво протянул фолиант, после чего снова повторил:

— Ты. Здесь. Сдохнешь.

А затем ушел, так же толкая перед собой тележку.

Виктор погрузился в чтение и не заметил, как прошел день — или ночь, или целые сутки? Он закончил ровно к тому моменту, как библиотекарь снова появился. Книга скользнула в лоток.

— Коннор, слышишь меня? — осклабился альв. — Ты здесь и подохнешь! А знаешь, почему? Это кара! За грехи отцов! Твой отец упрятал меня сюда. Гнить здесь. Мне недолго осталось, ты же знаешь? Вдали от гор альвы долго не живут. Но ты сдохнешь. Раньше меня!

— На что спорим? — гулко отразился от стен спокойный голос Эдварда Коннора. — Я ведь могу сделать так, что ты пойдешь по дороге в небо первым.

Альв попытался нырнуть под свою тележку, но был пойман за шкирку, а затем припечатан к стене.

— Охрана! — заверещал библиотекарь.

— Нет их тут. Охранять некого. Выполняй свою работу

и держи язык за зубами, урод. Пшел вон!

Придав ускорения и альву, и его тележке, старший Коннор обернулся к младшему.

— Ну здравствуй, сын.

— Здравствуй, — глухо ответил Виктор, задумываясь, как выглядит, замотанный в одеяло с ног до головы. — Как тебя сюда пропустили?

— Молча. Старых друзей не забывают. К тебе можно?

*****

— В вашем имперском бардаке есть свои преимущества, — Эдвард сидел на жутко неудобном камерном стуле. Виктор — на краю кровати. На железном столе стояли две кружки с чаем и шахматная доска. — В горах такого бы просто не допустили. А тут, видишь…

— Вижу. Ты думаешь, я решил, что мне тоже все сойдет с рук?

— Нет.

— Я сейчас понимаю, можно было действовать как-то более обдуманно. Аккуратно.

— Можно. Но ты сделал, что сделал. И это правильно. Я не осуждаю тебя. Кто-то должен был показать этому лому, что приемы еще есть. Ты здесь один?

— Да.

— Плохо. Обычно в этих камерах самое муторное — одиночество. Сидишь тут целыми днями и гоняешь мысли в голове.

— Плохо для тех, кто сожалеет и раскаивается. Я если и сожалею, то только об одном — не сделал этого раньше. Я не думаю об одной жизни, которую отнял. Я думаю о жизнях, которые я сохранил. Даже если за это меня ждет позорная смерть на эшафоте.

Эдвард потер лицо руками, пересел на кровать и обнял Виктора.

— С нашей профессией смерть может быть какой угодно. Ты знал, на что шел.

— Знал.

— Сложная у нас с тобой работа. Когда мы последний раз проводили время вместе, помнишь? Я нет. Мы даже партию в прошлый раз не доиграли.

— Три года назад.

— Доиграем? Времени предостаточно, я отгул взял.

— А мама?

— Мама завтра приедет, — Эдвард снова пересел на стул и начал расставлять фигуры. — Ты черными или белыми?

— Черными. Расскажи, что там сейчас в горах.

— У Лиманны дочка родилась.

— Поздравишь от меня?

— Ты поддаешься что ли? Шах.

*****

Охранник загремел ключами. Виктор с трудом разлепил глаза. Он спал. Нормально. После визита Эдварда ему принесли нормальное теплое одеяло и шерстяной свитер. Не по размеру, конечно, и к фасону можно было придраться. Но здесь и сейчас это было неважно.

— Лорд Коннор, к вам посетитель, — сообщил дежурный и без предупреждения открыл дверь.

— Что у вас за порядки тут? — по привычке буркнул уже бывший прокурор и тут же поймал себя на мысли, что собирается написать отчет об отвратительной работе тюремщиков. Посетители в камере? Двери настежь, ходи кто хочет… И кому он что собрался об этом писать?

На пороге стояла Тасита. Дверь так и осталась открытой. Впрочем, Виктор быстро сообразил, с чем связана такая беспечность: в блоке больше никого не было, а в конце коридора — еще две железные двери и «тамбур» между ними. При всем желании заключенный никуда отсюда не денется.

Не дождавшись никакой реакции, Тасита вошла и остановилась возле стола. Виктор нехотя приподнялся и сел на кровати.

— Привет, — неуверенно поздоровалась девушка и вместо ответа получила сдержанный кивок. — Ты как? Я очень за тебя переживаю. Еле добилась свидания, меня не хотели пускать, сказали, только родственники. Просто я тебе хотела сказать, что я подала прошение твоему начальнику, чтобы он написал характеристику для судьи. Это, возможно, учтут. По крайней мере, есть шансы. Ну, в крайнем случае, напишем императору.

Виктор продолжал молчать.

— Скажи что-нибудь, пожалуйста, — Тасита нервно мяла в руках сумку, не решаясь подойти ближе, хотя ей очень хотелось. — Я целиком и полностью тебя поддерживаю, главное, не отчаивайся, мы что-нибудь придумаем.

— Когда ты, наконец, замолчишь? — Виктор посмотрел на нее ненавидящим взглядом. — Какие, нахрен, мы? Ты вообще о чем? Ты на какую баррикаду собралась карабкаться? С чего ты

вообще взяла, что мне это нужно?

— Что? — опешила Тасита.

— Вот это все! — Виктор перешел на крик и даже не заметил, что перестал сбиваться с речи. — Кто ты такая, чтобы принимать за меня решения и делать что-то от моего имени? С каких пор пара встреч дает тебе право строить на меня планы? Ты вообще зачем пришла? Нечем заняться? Настолько скучно или настолько плохо в собственной жизни, что ты решила заняться моей?

— Ты… ты, боги пресветлые! — Тасита попятилась из камеры, не сдерживая слез, едва не споткнулась, налетев на кого-то, и побежала прочь.

В камеру вплыла Нора. Строгая и крайне недовольная.

— Виктор Коннор, это что сейчас было? — громко возвестила она о своем присутствии. — Ты работаешь в правоохране.

— Уже не работаю.

— Плевать! Ты был воспитан в альварской семье. И что я вижу? За пару минут ты нарушил все мыслимые и немыслимые законы культуры, которой тебя учили. Я недостаточно старалась? Была плохой матерью для тебя? Девочка не спала с момента твоего ареста, обзвонила всех, кого можно, на коленях умоляла.

— Ты не понимаешь? — зарычал Виктор, вставая. — Эта несчастная девочка будет оплакивать меня несколько лет, и хрен бы с эмоциями, переживет. Но нее все будут показывать пальцем и говорить, что она бывшая девушка казненного прокурора-преступника. Это клеймо она не смоет с себя никогда! Лейтенант тайной полиции не должен навещать в тюрьме смертника. Она не на той должности, чтобы так рисковать.

— Ах вот ты чего? — задумалась Нора. — Комедию ломаешь, значит. Ну хорошо, ее-то я успокою. А ты тряпка. Ты сдался. Мой сын, я тебя не таким растила. Это что за истерика, кто тебе дал право унижать людей, которые тебя любят? И если ты сам себя решил похоронить, это не обязаны делать все остальные!

— Я уже покойник.

— Даже покойники не смеют так разговаривать с женщинами! Смерть — не повод для хамства! — Нора назидательно ткнула пальцем в грудь Виктору, и тот, повинуясь этому жесту, сел на кровать. — Как тебя кормят?

— Все нормально. Не жалуюсь.

— Камера просто ужасная, — альва начала осматриваться, заглянула за кафельную ширму и выругалась. — Почему высшего лорда содержат в таких кошмарных условиях? Это же обыкновенная камера смертников.

— Тюрьмы уравнивают всех, — философски заметил Виктор. — Их не строили из расчета на высших лордов. Я

удостоился чести стать первым.

— Почему не настоял на домашнем аресте?

— Я не сайку хлеба в магазине украл. Я хладнокровно застрелил друида на глазах у свидетелей.

— Ничего не знаю про этого друида, — заявила Нора. — Зато я знаю тебя. И если мой мальчик украсил стену мозгами какого-то урода, значит, урод это заслужил.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ